

РИВКА РАБИНОВИЧ

Сквозь три строя

Ривка Рабинович
Сквозь три строя

«Э.РА»

2013

Рабинович Р.

Сквозь три строя / Р. Рабинович — «Э.РА», 2013

Эта книга может быть названа автобиографическим романом, Автор ставил перед собой цель написать "биографию эпохи", отраженную в судьбе отдельной личности – современника этой эпохи. Из этой цели вытекает общий вопрос: человек и государственный строй, взаимоотношения между ними и их влияние на личные судьбы людей. Описываемая эпоха начинается с 30-х годов прошлого века. Жизнь героини проходит через три строя: буржуазный профашистский строй в Латвии до советского вторжения, советский строй (с возраста 9 лет до 39) и демократический строй в Израиле (с 39 лет). Советский период включает жизнь в сибирской ссылке (1941-1958 гг.) и жизнь в Риге до выезда в Израиль в 1970 году. В книге описывается борьба семьи за выживание, в условиях, когда исторические события раз за разом ломают ход жизни и вынуждают начать строить все с нуля. Речь идет о жестоких дилеммах, которые встают перед героиней книги, вначале девочкой-подростком, а затем, женщиной, о ее стойкости, слабостях и ошибках, о решениях, принимаемых ради того, чтобы выжить. Здесь нет героических подвигов, но есть правдивая картина обычной жизни, обрисованная глазами очевидца. Здесь есть прошлое, о котором вскоре никто уже не сможет рассказать, и есть атмосфера нынешних дней. Несмотря на трагизм многих ситуаций, книга проникнута оптимизмом. Девиз автора может быть выражен в словах: "Пока человек жив – всегда есть надежда".

© Рабинович Р., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Вступление	6
Часть первая	7
Глава 1. Обычная буржуазная семья	7
Глава 2. Русские пришли	10
Глава 3. Под новой властью	12
Глава 4. Промывка мозгов	17
Глава 5. По дороге в Сибирь	20
Глава 6. На новом месте	25
Глава 7. Урок политграмоты	30
Глава 8. Главная цель – выживание	33
Глава 9. Школа. Библиотека Николая Павловича	38
Глава 10. Операция «Папа»	41
Глава 11. Будни нашей жизни	42
Глава 12. В избе Физы	46
Глава 13. Прекрасная Елена	48
Глава 14. Его голубые глаза	51
Глава 15. «Ты очень похож на Рабиновича»	56
Глава 16. Маленькая воровка	62
Глава 17. «Дети пойдут в школу!»	67
Глава 18. Война кончилась!	74
Глава 19. Наш новый дом	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ривка Рабинович

Сквозь три строя

Авторский перевод с иврита

Бывшим ссыльнопоселенцам и другим жертвам сталинского террора и их потомкам посвящается

Все права сохраняются за автором.

Запрещено копировать, фотографировать, сканировать, вносить в хранилища информации или распространять эту книгу или часть ее в любой форме и через любые средства информации, электронные, оптические или механические, включая Интернет, электронные книги или другие виды масс-медиа, без письменного разрешения обладателя прав.

Вступление

Мне было года три, когда я сказала: «Как только буду знать все буквы, сяду писать книгу». По велению судьбы всегда находились другие дела, более необходимые и срочные, поэтому я смогла взяться за работу над книгой только в возрасте 78 лет...

Этот рассказ охватывает длительный период – от 30-х годов прошлого века до наших дней. В течение этого периода происходили события, полные драматизма, изменившие лицо мира. Чтобы выжить среди этих катаклизмов, человек должен всякий раз «изобретать себя заново» (моя любимая ивритская идиома), не дать событиям раздавить его.

Мой жизненный путь прошел через три различных строя; каждый из них играет человеком на свой лад, создает и ломает что-то в его душе. По моему понятию, всякий раз, когда жизнь человека превращается в осколки, он вынужден начать с нулевой точки, и это равносильно рождению. Выходит, что человек рождается столько раз, сколько раз ему приходится строить свою жизнь заново.

Мне хотелось написать биографию эпохи, но не историческое исследование; я не претендую на раскрытие новых фактов, не известных историкам. Мне хотелось, чтобы это был живой рассказ о людях, ведь исторические события отражаются по-разному в судьбах современников. Естественно, что фоном для рассказа я выбрала то, что лучше всего знаю – мою судьбу и судьбу моих близких.

Я взялась за этот труд на склоне лет благодаря моему внуку Шарону, который всегда интересовался корнями семьи и любил слушать мои рассказы о прошлом. Оказалось, что действительность, о которой я рассказываю, ему совершенно незнакома. Разумеется, он знал учебный материал о второй мировой войне, о социализме в Советском Союзе и его крушении, но это знание не помогло ему увидеть за событиями реальную жизнь рядовых людей, их повседневную борьбу за выживание. Поэтому он и сказал мне однажды: «Почему бы тебе не написать об этом книгу?» Если бы не его поощрение и поддержка, книга не появилась бы.

Часть первая

«Весь мир насилия мы разрушим до основания...»¹

Глава 1. Обычная буржуазная семья

Наша семья была подобна тысячам еврейских семей в Риге, столице Латвии, в период до второй мировой войны. Мои родители происходили из многодетных и очень бедных семей. У папы было восемь братьев и сестер, у мамы – семь. Один из моих дедов был сапожником, второй – портным. Их дети (мои родители, дяди и тети) вынуждены были вступать в самостоятельную жизнь в юном возрасте, сразу после начальной школы.

Часть их эмигрировала – три сестры и два брата мамы в США, два младших брата папы – в Россию, старший брат и одна из сестер – в Южную Африку. Некоторые из них преуспели в бизнесе, несмотря на отсутствие образования и профессии; оба маминых брата в США стали врачами. Один из них умер в молодом возрасте, второй дожил до глубокой старости.

30-е годы были годами экономического расцвета в Латвии. Из тех родных, что остались в Риге, больше всех преуспела семья моих родителей. В их владении был магазин, очень большой в масштабах той поры; была у них также недвижимость в Риге и в Тель-Авиве. В то время в кругах зажиточных еврейских семей в Европе было принято приобретать имущество в Палестине. Возможно, они видели в этом создание убежища для себя на черный день.

Курсировали слухи об опасности, угрожающей с запада, со стороны нацистской Германии, и с востока, со стороны Советского Союза. Папа говорил о возможности уехать в Палестину, но мама и слышать об этом не хотела. Когда заработки хороши и жизнь удобна, кому хочется бросать все это из-за призрачной опасности? «Мы не замешаны в политике, мы частные лица, будем сидеть тихо – кто нас тронет?» – такова была позиция мамы.

Наша жизнь протекала в спокойствии и благополучии. Большая квартира, еврейские праздники, Бар-Мицва для сына, уроки игры на пианино для дочери – все было так, как принято в респектабельных еврейских домах.

Родители проводили большую часть времени в магазине; не было особой близости между ними и детьми. Мы – мой старший брат Иосиф и я – были отданы на попечение гувернантки, 40-летней немки. Мы называли ее «фройлайн» – таково принятое на немецком языке обращение к незамужней женщине. Она по сути дела вырастила меня. Она научила меня молиться так, как принято у христиан: вечером, перед сном, я становилась на колени возле кровати, прижимала ладони к груди и шептала: «Добрый Боженька, прости меня за все плохое, что я сделала сегодня».

Мои родители были «либерально религиозными», или, как теперь говорят, «традиционными». За соблюдением кошерности и празднованием еврейских праздников, включая Седер Песах со всеми предписанными правилами, следил дедушка, рано овдовевший и живший с нами. У родителей были постоянные места в синагоге, но они бывали там редко – в основном в Судный день. Мама зажигала субботние свечи. Нас записали в еврейские школы: брата – в единственную в Риге ивритскую гимназию, а меня – в школу общества «Эзра». Это было общество филантропов, создавшее сеть еврейских школ в Восточной и Центральной Европе.

В нашей школе преподавание велось на немецком языке. Ивritу и вопросам религии посвящались два урока в неделю. В последнее лето перед советским вторжением родители записали меня в спортивный кружок: у меня обнаружили нарушения координации движе-

¹ «Интернационал»

ний и равновесия. Я ненавидела эти занятия. Толку от них было мало; они не устранили мои физические недостатки.

Я росла довольно странной девочкой. Никогда не играла в куклы (не помню ни одной куклы в доме), не участвовала в играх в мяч с другими детьми во дворе. Любила рисовать (без особого таланта), а также слушать сказки Андерсена и братьев Гримм, которые читала нам фройлайн. Со временем научилась сама сочинять сказки; мой брат любил слушать их перед сном. У нас были настольные игры – домино, лото и шашки. Брат, который был старше меня на четыре с половиной года и любил приносить из школы разные новшества, научил меня играть в шахматы. От него я в первый раз услышала «Ха-Тикву» – в старом варианте, принятом среди евреев диаспоры.

Слышала я от него и другие песни Эрец Исраэль той поры, с кратким переводом слов. Он хорошо владел ивритом: ведь это был язык преподавания в его школе. Мне особенно полюбилась песня о строительстве тель-авивского порта; я до сих пор помню один из ее куплетов.

Читать и писать – на немецком языке – я умела в пятилетнем возрасте. Русским языком не владела, идиш понимала, но не говорила на нем. Любила играть на пианино.

Очень рано развилось у меня понятие о классовых различиях и о нашем положении богатой семьи. Были у меня две тетки, мамины сестры – тетя Эстер и тетя Фейга; мою маму официально звали Мирьям Ида, но все называли ее Мэри. Я очень любила своих теток, они были мне ближе, чем мама. У тети Эстер и ее мужа Симона был небольшой мебельный магазин; они не были богаты и относились к так называемому «среднему классу». У них была дочь по имени Рая. В отличие от них семья тети Фейги и ее мужа Срулика (Исраэля) была бедной. Дядя Срулик занимался каким-то простым ремеслом (кажется, шитьем шапок), и его заработка не хватало на содержание семьи. У них были две дочери, Рая и Ривка. Старшая, Рая, была членом сионистской молодежной организации «ха-Шомер ха-Цаир»² и участвовала в мероприятиях «Хакшара»³. Я тогда не понимала, что это означает. Видела ее на фотографиях вместе с другими девушками и парнями; они были одеты в шорты цвета хаки и сидели вокруг костра.

Мои родители помогали семье тети Фейги в плате за квартиру. От моего внимания не ускользнул тот факт, что тетя Фейга и дядя Срулик никогда не присутствовали на званых вечерах, которые время от времени устраивались в нашем доме. На мой вопрос об этом мама ответила, что они, хотя и родственники, «не принадлежат к нашему общественному кругу». Тетя Фейга одевалась очень просто, в отличие от мамы, всегда элегантной, носившей туфли из крокодиловой кожи на высоких каблуках и кольцо с большим бриллиантом на пальце. Тетя Эстер приглашалась на все вечера. Она была самой красивой из трех сестер и самой близкой маме по возрасту. Ее муж, дядя Симон, видный и веселый мужчина, был всегда «гвоздем вечера».

У обеих теток, в отличие от нас, не было прислуги в доме. Семья тети Фейги даже не покидала город в летние месяцы. Мои родители снимали ежегодно целый этаж большой дачи в курортном городе Юрмала. Семья тети Эстер тоже проводила лето в Юрмале, но снимала более скромное жилье. К началу учебного года мы все возвращались в город.

Я немного стеснялась того, что мне не разрешали ходить одной в школу и обратно. Меня всегда сопровождала фройлайн, в то время как большинство детей приходили и уходили сами.

Однажды, когда она уже не работала у нас, я привела с собой из школы одноклассницу, с которой подружилась. Мама была дома – поднялась из магазина, чтобы пообедать. Она, правда, пригласила гостью обедать с нами, но позже сделала мне выговор: «Нельзя приводить домой людей, которых мы не знаем. Эта девочка не из нашего общественного круга». Мне было больно от этих слов, девочка мне нравилась, я чувствовала, что это несправедливо и что для меня совершенно не важно, что она из бедной семьи и живет в маленькой квартире. Я продол-

² «Юный страж» – молодежная организация левого толка.

³ Система мероприятий по подготовке молодежи к переселению в Эрец Исраэль и работе в сельском хозяйстве.

жала дружить с ней и тайком ходила к ней в гости. Но спорить с родителями нельзя, так меня воспитали, и мне даже не приходило в голову, что можно возражать маме.

Интерес к политике тоже пробудился у меня очень рано. Вместо того чтобы играть в куклы, как другие девочки, я прислушивалась к разговорам взрослых. Согласно семейному фольклору, свое первое политическое высказывание я сделала в возрасте четырех лет, в период, когда Италия атаковала Эфиопию с целью захватить ее. «Большие» говорили о том, что итальянцы бомбят и эфиопы бессильны перед ними, у них даже нет самолетов. Читали сообщения из газет о жертвах. Никто не обращал внимания на то, что я ловлю каждое слово. Услышав число жертв, я разревелась. Когда меня спросили, что случилось, я сквозь слезы пробормотала: «Несчастные эфиопы, эти злые итальянцы убивают их!» Всегда была на стороне слабых.

Мои родители были очень горды respectableм положением нашей семьи. И не зря: ведь все свое богатство и высокое положение они создали собственными руками. Мама с шестнадцати лет работала продавщицей, сэкономила каждый грош и несколько лет спустя открыла собственный маленький галантерейный магазин. Папа был коммивояжером; он разъезжал по всей Латвии и предлагал владельцам магазинов свои товары. Так он и с мамой познакомился...

Когда они поженились, он был тем, кто толкал маленький мамин бизнес вперед. По его инициативе магазин перешел к торговле верхней одеждой и бельем. Маленький магазинчик, основанный мамой, постепенно превратился в трехэтажный торговый дом.

Папа был из числа тех бизнесменов, которые не держат деньги в банке и вкладывают их в другие виды имущества. У папы был близкий друг, по имени Бецалель, который вел свои дела в таком же стиле. Оба друга купили большой многоквартирный дом в Риге; каждому из компаньонов принадлежало 50 процентов дома. В начале 30-х годов они вместе поехали в Палестину и купили дом в центре Тель-Авива, на той же основе.

В те времена, когда в Риге не слышали о миллиардерах и международных компаниях, материальное положение нашей семьи считалось очень высоким. Моим родителям было чем гордиться, и можно понять нежелание мамы бросать все то, что было нажито с большим трудом.

Мне нравилось посещать наш магазин, находившийся в том же доме, в котором мы снимали квартиру. Продавщицы баловали меня. Особенно запомнилась мне одна из продавщиц, Леа. Однажды я пришла в магазин и не нашла ее: мне сказали, что она уехала в Палестину. Через много лет, в 1970 году, мне довелось встретиться с ней: она приехала вместе с мужем в Тель-Авив из кибуца⁴ Ашдот Яков, чтобы повидаться с нами.

⁴ Сельскохозяйственное поселение, во многом напоминающее коммуны.

Глава 2. Русские пришли

Летом 1939 года у нас гостил мамин брат из Америки, дядя Яков, незадолго до того закончивший учебу и получивший диплом врача. Его пребывание у нас затянулось до осени, а осенью пришли потрясающие известия: армия Германии вторглась в Польшу. Началась вторая мировая война.

Дядя чуть не застрял у нас: прямых рейсов из Латвии в Америку не было, нужна был транзитная остановка в Европе, но Европа была вся в огне, большая часть гражданских авиалиний закрылась. Дядя с трудом нашел маршрут выезда через Финляндию. Перед отъездом он сказал моим родителям:

– Вы сидите на пороховой бочке. Уезжайте немедленно, куда только возможно!

Правду говоря, особых возможностей уже не было. Иные бежали на восток, в Советский Союз; но мои родители ненавидели советскую власть еще сильнее, чем немцев, и этот вариант был для них неприемлем.

Первое осязаемое изменение в нашей жизни произошло зимой 1939 года. Наша фройлайн, которая ранее не проявляла никаких националистических чувств, объявила родителям, что решила откликнуться на призыв фюрера ко всем этническим немцам вернуться на родину. Речь не шла о настоящей «немецкой родине», а о польских землях, оккупированных Германией: Гитлер хотел поспешно заселить их немцами и сулил «репатриантам» всевозможные льготы. В результате фройлайн вместе с престарелой матерью оказались в польском городе Познань, который был переименован в Pozen – название, звучащее как немецкое. Мы получили от нее несколько писем, но переписка вскоре оборвалась.

Для нас, детей, это было огромное изменение: мы были очень привязаны к ней. Я помнила ее с тех пор, как помнила себя. В отличие от родителей, занятых бизнесом, она всегда была с нами.

Весной нас покинула и кухарка: она собиралась открыть собственный ресторан на деньги, заработанные за годы службы в нашем доме.

Наша жизнь стала менее упорядоченной. Мы, дети, оказались свободными, как вольные птицы. Иногда приходила тетя Фейга и что-то готовила. Мой брат стал проводить больше времени с друзьями, а я превратилась в настоящего «книжного червя».

1940 год. В апреле была с большой пышностью отпразднована Бар-Мицва Иосифа. Были сотни гостей. Один из торговых залов магазина был приспособлен для пиршества; стены его задрапировали голубым шелком. Был приглашен маленький оркестр. Все было очень впечатляюще. Мне сшили длинное бальное платье из розовой тафты и сделали прическу с локонами. Я играла перед гостями «Серенаду» Шуберта и очень гордилась этим.

В середине июня мы почему-то были еще в городе, а не в Юрмале – либо ввиду болезни дедушки, либо из-за опасений родителей перед приближающейся войной. Возможно, родители знали что-то такое, чего мы, дети, не знали.

Все перевернулось в один ясный солнечный день в середине месяца. Мы вдруг услышали странный шум – монотонный, скрежещущий, оглушительный. Невозможно было разговаривать: шум поглощал слова. Это звучало так, будто по мостовой волокут тонны металла. Мы с братом вышли на балкон посмотреть, что случилось, и увидели массу людей, толпившихся на тротуарах. Люди стояли также на всех балконах и у всех окон. Шум усиливался, и через несколько минут показалась колонна огромных стальных машин. Такие машины я никогда раньше не видела.

– Это танки, – сказал Иосиф, – ими пользуются на войне. Видишь дула пушек, установленных на них?

На танках видны были солдаты; они улыбались и махали руками, приветствуя людей, толпившихся на тротуарах. Все магазины закрылись. Папа и мама поднялись из магазина в квартиру и присоединились к нам. Вид у них был мрачный.

Время от времени кто-нибудь из толпы приближался к танкам и бросал цветы солдатам. Большинство людей стояли молча и смотрели на танки, как загипнотизированные. Когда кончилась колонна танков, мостовую заполнили пехотные части. Толпа на тротуарах вышла из первоначального шока. Все зашумели, задвигались. Многие повязали красные ленты на рукава пиджаков, суетились, подбегали к солдатам, что-то кричали. Некоторые достали откуда-то красные флажки и размахивали ими. «Посмотрите на этих подхалимов, – сказала мама с горечью, – вылезли из нор, чтобы подлизываться перед новыми властями». Но большинство смотрело на странные картины в угрюмом молчании.

Я переводила взгляд с мамы на папу, ожидая объяснений, что происходит. После продолжительного молчания папа дал лаконичный ответ: «Русские пришли». Русские? Зачем пришли? Что теперь будет?

Не знала я тогда, и едва ли знали мои родители, что в 1939 году СССР и нацистская Германия заключили между собой договор «о дружбе и взаимной помощи», вошедший в историю как «договор Молотова-Риббентропа». Это был договор о разделе Европы: Советский Союз не будет мешать Германии оккупировать большую часть территории Польши и ряда других государств, а Германия не помешает Советскому Союзу захватить прибалтийские страны – Латвию, Литву и Эстонию, а также другие территории: Западную Украину, принадлежавшую Польше, а также Буковину и Бессарабию, входившие в состав Румынии.

После того, как немцы завершили захват «своей» части Польши, Советский Союз приступил к оккупации земель, «причитающихся» ему по договору. Москва поставила ультиматум перед правительствами Латвии, Литвы и Эстонии: либо вы войдете в состав Советского Союза добровольно, «по желанию ваших народов», либо мы завоюем вас силой. У маленьких государств, не имевших серьезных армий, не было выбора; они вступили в состав Советского Союза в качестве союзных республик.

Это и есть ответ на вопрос «зачем они пришли». На второй вопрос – «что теперь будет» – ни у кого не было ответа. Одно было ясно: того, что было, больше не будет.

Глава 3. Под новой властью

На следующий день родители открыли торговый дом, как обычно. Продавщицы стояли группками, перешептывались, некоторые из них смотрели на хозяев с выражением откровенной враждебности. Ни одна не хотела приступать к работе. Магазин был полон покупателей: люди спешили расходовать латвийские деньги, прежде чем они будут аннулированы и советский рубль станет единственной валютой. Папа и мама не могли справиться с наплывом покупателей. Они попросили продавщиц перестать митинговать и помочь обслуживать покупателей. В ответ одна из них, всегда считавшаяся «лидером», сказала:

– Вы больше не будете указывать нам, что делать. Власть теперь наша. Ваше время кончилось!

Несколько дней спустя новая власть издала указ увеличить вдвое зарплату всем работающим по найму. Продавщицы расхаживали по магазину как принцессы, сияли и без конца повторяли строку из «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем!»

На следующий день был опубликован новый указ: повысить все розничные цены на 300 процентов. Торжество продавщиц превратилось в недоумение. «Лидер» успокаивала:

– Это временно, до тех пор, пока новая власть наведет порядок! Вы увидите, как хорошо нам будет!

Наш радиоприемник, стоявший долгое время почти без употребления, превратился в самый важный предмет в доме. Он все время передавал сенсационные новости, марши, лозунги и обращения к населению. Власти старались создать праздничную атмосферу.

Время от времени на углах улиц останавливались грузовики, полные солдат и русских девушек. Один солдат играл на гармошке, а остальные подпевали, танцевали и приглашали прохожих присоединиться. Люди толпились вокруг грузовиков, смотрели с любопытством на это неожиданное зрелище. Некоторые присоединялись к пению и танцам.

Прохожие обращали внимание на странную одежду девушек, прибывших, по-видимому, вместе с армией: все они носили ситцевые платья простого покроя, а на ногах – черные хлопчатобумажные чулки, поверх их – носки разных цветов, и очень простую обувь без каблучков. Рижские дамы, которые всегда одевались со вкусом и носили только шелковые чулки, были в шоке. Остряки шутили по этому поводу, но многие выражали тревогу: бедная одежда прибывших свидетельствовала о тяжелой нужде, царящей в Советском Союзе, вопреки пропаганде о счастливой жизни советских граждан. Из уст в уста передавались рассказы о женах офицеров, которые приходят в театр в ночных рубашках с кружевной отделкой, будучи уверенными, что это вечерние платья.

Родители нашли мне учителя русского языка. За два месяца до начала учебного года я мало чему успела научиться, но хотя бы алфавитом овладела.

Моя школа превратилась в обычную городскую школу с преподаванием на русском языке. Мой запас русских слов был близок к нулю. Из вступительной беседы классной руководительницы я почти ничего не поняла. После беседы она начала вносить наши личные данные в классный журнал. Когда очередь дошла до меня, я хотела сказать, что мне еще нет восьми лет, и вместо этого получилось «я еще не родилась». Класс разразился громким хохотом.

В течение последующих месяцев мои познания в русском языке стали расти с головокружительной быстротой. Этот язык, который никак не назовешь легким, «впитался в мою кровь». Через несколько месяцев дети, для которых русский был родным языком, начали списывать у меня во время диктантов и других письменных работ. С русским языком я заключила союз на всю жизнь, я чувствую его со всеми оборотами, идиомами и местными речениями; он стал для меня языком, на котором я думаю, читаю, пишу и говорю во сне. Но, говоря о русском языке, моей любви к нему и владении им, я имею в виду не ультрасовременный новояз, начиненный

искаженными американизмами и словами из блатного мира, наподобие «офигизма», «тренда» или «пиара», а «классический» русский язык XX века. В противоположность этому немецкий язык, мой родной, остался на уровне языка восьмилетней девочки; я пользовалась им только для разговоров с родителями и с братом.

Новая власть вскоре начала изменять порядки в Латвии. Однажды, недели через две после вторжения, в наш торговый дом пришел представитель властей – «комиссар», как он назвался. Еврей, между прочим. Он объявил, что отныне он руководит этим торговым учреждением. Затем вынул из портфеля заранее заготовленный документ – заявление о том, что владельцы «по собственному желанию передают свою собственность в руки трудящихся», и показал родителям, где поставить подписи. Таким же образом был национализирован дом, который папа купил на паях с его приятелем Бецалелем.

Перед национализацией магазина родители могли вывезти из него большую часть товаров (многие владельцы магазинов поступили именно так), но решили оставить все неизменным, в надежде, что власти оценят их честность и позволят им работать на месте. Надежда оказалась тщетной: комиссар тут же объявил папе и маме, что они уволены. «Вы ведь понимаете, что мы не можем доверять вам», – объяснил он. Затем задал несколько вопросов о величине доходов и расходов фирмы и проводил их к выходу.

В ближайшие дни выяснилось, что вопросы о величине доходов были заданы не только для нужд управления магазином. К нам пришли незваные гости – налоговые агенты. Они обложили родителей астрономической суммой подоходного налога – как будто предприятие остается в их руках и они продолжают получать с него доходы. Папины объяснения, что они теперь безработные и у них вообще нет никаких доходов, не произвели на агентов никакого впечатления. «Вы присвоили за минувшие годы немало народного добра, – сказали они. – Теперь будете возвращать народу награбленное».

Не было никаких шансов на то, чтобы собрать хотя бы треть суммы налога. Как я уже упоминала, папа не имел обыкновения копить деньги и предпочитал вкладывать свободные средства в расширение магазина и в недвижимость. А поскольку собственность (за исключением половины дома в Тель-Авиве, до которого советские власти не могли добраться) была передана «по собственному желанию владельцев в руки трудящихся», наша семья осталась без собственности, без денег, без источников дохода и с огромным долгом налоговому управлению.

Знакомые советовали родителям: «Плюньте на этот долг. Что они могут сделать с вами? Взять с вас уже нечего, все отнято». Они недооценивали изобретательность новой власти: в дальнейшем оказалось, что можно сделать с нами еще многое.

Родители хотели показать, что они порядочные граждане, старающиеся выполнять указания властей. Они начали продавать предметы домашней обстановки. Первой жертвой стал великолепный гарнитур столовой из красного дерева с резьбой и позолотой. Таких гарнитуров было всего два в Риге – самого мастера-краснодеревщика, изготовившего их, и нашей семьи. Он состоял из двух буфетов (один для пасхальной посуды), большого овального стола и двенадцати стульев. Были проданы также почти все ювелирные изделия и мамины меховые пальто.

Я не жалела о вещах, которые выносились из дома, потому что начала ощущать солидарность с новым строем. В разорении нашей семьи я видела некоторую долю справедливости. Почему нам положено пользоваться красивыми вещами, которых нет у других? Но был один предмет, с которым я не могла расстаться без слез – мое пианино. Я любила его, любила играть, даже самые скучные этюды не надоедали мне. Когда пианино выносили, это было расставание навсегда. Больше я никогда не играла.

Сумма, которую удалось набрать путем продажи домашнего имущества, была ничтожно мала по сравнению с суммой налога. И все же после каждой значительной продажи родители

передавали вырученные деньги налоговым властям: смотрите, мы делаем все, что в наших силах.

В то время как вещи исчезали из дому одна за другой, в нем появился новый предмет – швейная машина. Папа нашел работу – пошив постельного белья. К нам привезли большие рулоны полотна; папа должен был раскраивать их на простыни и оторачивать их края. По-видимому, мы как-то жили на его заработок. Я, восьмилетняя девочка, не была в курсе денежной стороны нашего существования.

У мамы не было работы, и она большую часть времени проводила дома. Готовить она не умела, так как всю жизнь занималась коммерцией. Наше питание стало очень скудным. Трудно было доставать продукты: многое из того, к чему мы привыкли, исчезло из магазинов.

Мне хорошо запомнился день, когда маму позвали обратно в магазин: это был день моего рождения. Пришли тетки, мы сидели за кухонным столом, мама подала скромное угощение. Настроение было невеселым. Вдруг раздался звонок у двери. На пороге стояла одна из продавщиц. «Г-жа Рабинович, комиссар зовет вас».

Госпожа? Уже вошло в обиход обращение «товарищ», а в случаях, когда хотели продемонстрировать холодность или официальность – «гражданин» или «гражданка».

– Что ему надо? – спросила мама.

– Не знаю. Могу сказать одно: в магазине царит настоящий хаос.

Мама поднялась, чтобы спуститься в магазин. Я расплакалась:

– Мама, не ходи! Он выгнал тебя, а теперь ты пойдешь помогать ему?

Тетки были более реалистичны.

– Теперь не время для демонстраций гордости. Иди, Мэри, послушай, что он хочет сказать.

Мама, женщина гордая и сильная по натуре, кусала губы. Подошла к шкафу, надела одно из немногих оставшихся нарядных платьев, обула туфли на высоких каблуках и надела на палец единственное непроданное украшение – кольцо с большим брильянтом. Элегантная, как когда-то, она спустилась в торговый дом – невысокая ростом, но с гордо поднятой головой.

Комиссар очень нервничал. Ему неприятно было признаться, что он не справился с управлением магазином.

– Черт бы побрал вашу капиталистическую систему, – ворчал он. – В социалистических магазинах товар поступает сериями, у каждой серии свой номер, код, дата и место производства. А что делается здесь? Тысячи изделий, все разные, никаких кодов для опознания. Не понимаю, как можно таким образом вести бухгалтерский учет, заказывать товары, устанавливать цены...

Он предложил маме взять на себя руководство магазином – «временно, до тех пор, когда мы наведем здесь наш социалистический порядок». Но это было еще не все.

– Вы сами понимаете, что невозможно назначить вас директором. Теперь иная ситуация, введены строгие ограничения на принятие капиталистов на работу. Вы будете числиться ученицей, с соответствующей зарплатой.

Мама не сказала ни слова.

На следующее утро она приступила к своей новой работе «ученицы». Не только зарплата – даже халат, который она получила, был соответствующим: серый, из простой ткани, отличавший ее от продавщиц, носивших, как до национализации, черные халаты из блестящего креп-сатина.

В один из первых дней маминой работы в «новой должности» комиссар подошел к ней и сказал:

– Я порекомендовал бы вам не носить здесь дорогое кольцо. Вы ведь понимаете, что оно не соответствует вашему нынешнему общественному положению.

Унижение мамы причиняло мне острую боль, и я умоляла ее оставить работу. Но она не жаловалась. Сказала, что это лучше, чем безработица. Она трудилась не покладая рук – пыталась спасти «учреждение, принадлежащее трудящимся», от полного развала, поддерживать в нем хотя бы относительный порядок. Да и маленькая зарплата, которую она получала, была подспорьем для семьи.

Кое-где власти открыли государственные магазины, отличавшиеся бедным ассортиментом товаров. Магазинов, где продавались бы кошерные продукты, не стало вообще.

В один из дней агенты налогового управления вновь явились к нам: суммы, которые уплатили мои родители после продажи большей части домашнего имущества, их совершенно не устраивали.

Деятели новой власти были убеждены, что бывшие буржуи сидят на мешках с золотом и серебром и ждут удобного момента, чтобы использовать свою экономическую мощь для подрыва нового строя. Чтобы лишить их этой мощи, следует «ликвидировать их как класс» (популярное изречение советской пропаганды), разорять их всеми возможными путями, «раскрыть сокровища, которые они прячут от народа».

Они произвели в квартире основательный обыск и собрали все вещи, имевшие, по их мнению, какую-то ценность: серебряные столовые приборы, сервизы, подсвечники, люстры и т. п. Всю эту «добычу» сложили в одном из углов, накрыли простынями и заявили:

– Это имущество конфисковано, оно вам больше не принадлежит. Не смейте брать что-то из этих вещей, у нас все записано. При первой возможности приедем с грузовиком и увезем все это.

Даже после этих мер в руках «бывших» оставалась одна ценность, которую невозможно увезти на грузовиках – большие квартиры. Вместо слова «квартира» вошло в обиход другое понятие – «жилплощадь». Советские начальники ценили жилплощадь дороже золота. Они ввели нормы: сколько квадратных метров причитается семье, в зависимости от числа душ в ней. В то время прибалтийские республики затоплял мощный поток приезжих из всех областей СССР: служащие, военные, партийные работники и просто граждане, искавшие место для хорошей жизни. В результате этой внутренней иммиграции возникла острая нехватка жилья. Власти, естественно, прибегли к известному источнику – буржуйам. С какой стати надо давать им жить просторно? Началась «кампания уплотнения»: обладателей «лишней» жилплощади обязали сдавать комнаты квартирантам, оставляя себе только жилплощадь в соответствии с нормой и зачастую меньше нормы.

Наша квартира была съемной – иначе ее просто национализировали бы. В ней было больше жилплощади, чем нам «причиталось» на семью из пяти человек.

Сотрудники городских властей сказали, что мы обязаны «уплотниться». Ссылки на болезнь бабушки и на то, что ему нужен покой, не помогли. Вскоре в двух смежных комнатах, которые были спальней родителей и детской – моей и брата, – поселилась молодая пара. Родители и я переселились в гостиную, а брату досталась маленькая каморка, где раньше жила кухарка.

Моя кровать стояла на том месте, где прежде стояло пианино. Красивая гостиная, гордость родителей, походила теперь на комнату в общежитии. Обстановка гостиной была продана, остались только кровати и шкаф для одежды. Возле окна стояла швейная машина, на которой работал папа, а вдоль всей стены лежали рулоны ткани и пакеты с готовой продукцией. Мы лишились двух спален, но начальники, ведавшие «кампанией уплотнения», сочли, что этого недостаточно.

Как уже упоминалось, великолепный гарнитур столовой был продан в рамках отчаянных попыток родителей уплатить хотя бы часть налога. Огромная столовая, самая большая комната в квартире, пустовала. Этот факт не ускользнул от зорких глаз чиновников, пришедших проверить, выполнен ли «указ об уплотнении». Посовещавшись несколько минут, они решили,

что бывшую столовую тоже можно изъять из рук буржуев и поселить в ней еще одну семью. Мешала лишь одна проблема: это была проходная комната, соединяющая прихожую с внутренней частью квартиры. Творчески мыслящие начальники сразу нашли решение: они приказали соорудить фанерную стенку, которая изолировала бы большую часть бывшей столовой и оставляла узкий коридор, ведущий в остальные комнаты. Затем они привели новых квартирантов – командира Красной армии с женой.

Итак, в результате «кампании уплотнения» у нас фактически остались только бывшая гостиная, где помещались родители и я, и маленькая комната, где лежал больной дедушка. Брат ютился в комнатухе, где, кроме металлической кровати, ничего не помещалось. Прихожей, кухни, ванной и туалетом пользовались все – и мы, и квартиранты. Домашние задания мы с братом выполняли за кухонным столом.

В марте 1941 года умер дедушка – человек благородный, тихий и замкнутый. Он рано овдовел и после смерти жены почти не выходил из дому, разве что в синагогу. Мы, внуки, часто шалили в его комнате; видимо, это ему мешало, но он принимал нас добродушно. Поскольку родители все время были заняты «делом», он был единственным членом семьи, к которому мы всегда могли зайти.

Ничего не помню о его похоронах. По-видимому, родители не взяли меня с собой на кладбище.

Мама опасалась, что нас заставят впустить еще несколько квартирантов в освободившуюся комнату. Этого не произошло – либо ввиду халатности чиновников, не заметивших изменения состава нашей семьи, либо потому, что у властей были другие планы относительно нашей дальнейшей судьбы. Тем временем брат перешел в опустевшую комнату дедушки.

Глава 4. Промывка мозгов

Все описанное здесь о нашей жизни в Риге при советской власти могло привести к логичному выводу, что мы возненавидели новую действительность и тех, кто породил ее. По-видимому, этот вывод верен, когда речь идет о людях старшего поколения и о большинстве латышей, оплакивавших потерю независимости их страны. Реакция многих детей, и меня с братом в том числе, была противоположной. Советские пропагандисты были гениями в искусстве промывки мозгов. Дети и подростки, не имевшие жизненного опыта, не могли противостоять мощной пропагандистской машине, приведенной в действие с целью их «перевоспитания».

Несмотря на все трудности и бытовые неудобства, новая жизнь детей и подростков была интересна и увлекательна. Если в прежней жизни нами интересовались только родители, теперь нам внушали, что забота о нас – дело «общества», всего народа. Эта забота касалась не материальной стороны нашей жизни, а наших душ, наших мозгов. Ведь мы, молодые, будем сменой строителей первого в мире общества справедливости и равенства. Успех этого великого дела – построения коммунизма в одной стране, путеводного маяка для всех народов мира, зависит от того, насколько преданной делу коммунизма будет молодая смена.

Высокие идеалы справедливости, счастья для всех, свободы и равенства, создание общества, в котором расцветут таланты каждого – все это опьяняло, порождало чувство причастности к великим целям. Словесная пропаганда подкреплялась плакатами, картинками, фильмами, песнями («человек проходит, как хозяин необъятной родины своей»). Пропаганда прославляла Красную армию, самую могучую в мире, а больше всего – товарища Сталина, которого советские дети благодарят за свое счастливое детство. Легко понять, что наши юные души и умы не могли противостоять этому мощному прессу.

Слова, слова – какие только слова не были написаны для прославления возвышенных идеалов коммунизма, советского строя, его руководителей и особенно товарища Сталина! Лучшие поэты, писатели, композиторы и художники трудились над созданием произведений в этом духе, рисовали перед нами рай на земле. Пропаганда звучала повсеместно и ежечасно, распространялась через все имеющиеся каналы – школу, радио, кино и театр. Это было море, внезапно затопившее все. Тому, кто не прошел через это, трудно понять, как люди перестают видеть окружающую действительность и живут в воображаемом мире. Мы как будто находились под непрерывным гипнозом. Факты не имели никакого значения – ведь речь шла о будущем. Если сегодня что-то кажется трудным или плохим – это пустяки, ведь перед нами прекрасное будущее, и ради него стоит переносить трудности.

Нас, детей бывших буржуев, преследовала гигантская тень – происхождение. Ведь пропаганда была нацелена против наших родителей, они изображались как враги, как «главное препятствие на пути к светлому будущему». Больно и обидно было слушать это; кроме того, это не могло не отражаться на отношении властей к нам, детям.

Новая власть очень любила анкеты; их нужно было заполнять по любому поводу. Во всех анкетах присутствовала графа «социальное происхождение». Неважно, кто ты сегодня – важно, из какой семьи ты производишь. Меня с раннего детства учили всегда говорить правду, поэтому я писала «из буржуазной семьи». В результате этого меня не приняли в пионеры, я не могла носить красный галстук, как остальные дети.

Такое положение создавало своего рода раздвоение личности: с одной стороны, всей душой ощущаешь свою принадлежность к лагерю социализма; с другой – тебя подозревают в принадлежности к «вражескому лагерю» и отталкивают. Как быть? Я думала, что нужно больше стараться, быть всегда среди лучших. Мою старательность заметят, и я удостоюсь доверия.

Однажды, в начале учебного года, брат вернулся из школы крайне взволнованный и провозгласил:

– Можешь ли ты себе представить такое? Бога нет!

Я страшно испугалась. Подняла глаза к потолку, в уверенности, что он сейчас развернется и гром небесный поразит нас за такие кощунственные слова. Но ничего не случилось. Брата рассмешил мой страх. Он сказал:

– Видишь? Он нам ничего не сделал, потому что он просто не существует. Вскоре ты услышишь это и в твоём классе.

– Кто же создал весь мир? – осмелилась я спросить.

– Наука объясняет все. Множество книг написано на эту тему. Я скоро принесу такую книгу, ты увидишь, до чего все просто.

Я не смогла сразу воспринять эту идею, хотя Иосиф всегда был для меня «высшим авторитетом». В то время я ещё молилась перед сном, как научила меня фройлайн, но вскоре оставила эту привычку. В моей школе, как и повсюду, велась мощная антирелигиозная пропаганда. Официальные пропагандисты внушали, что религия – орудие для порабощения трудящихся; она всегда оправдывает эксплуататоров и умиряет сопротивление им. Согласно религии, правители – это «помазанники Божьи», поэтому всякое выступление против власти изображается как грех перед Богом.

Иосиф выполнил свое обещание и принес книгу, носившую название «Антирелигиозный учебник». Это был толстый том, не предназначенный для детей; речь в нем шла о самых важных вещах, начиная со строения Вселенной и до развития жизни на Земле вплоть до появления человека. Мне было девять лет, когда вся эта философия обрушилась на меня. Но я всегда была «недетской девочкой», серьезной не по годам, и усвоение этой колоссальной массы новой информации не казалось мне непосильной задачей.

Эта книга, дополненная пропагандой из других источников, стала для меня главным оружием для построения новой картины мира – можно сказать, мировоззрения, хотя я в то время ещё не знала таких слов.

Прежний мир был прост и понятен: Бог создал мир и управляет им на основе законов, установленных Им. Это законы о добре и зле, дозволенном и запретном, наградах и наказаниях. Оказалось, что эта простая картина не верна, что человек стоит один перед лицом сложного мира, пытаясь понять его. Нет предписанных Небесами правил. Человек сам создает правила и законы – если не в одиночку, то в качестве члена группы, рода, племени и нации.

Я жадно впитывала новое учение. Меня восхищало описание Вселенной, не имеющей ни начала, ни конца, изменяющейся согласно законам природы, без вмешательства «высших сил». Ученые, научившиеся определять возраст камней, установили, что этот возраст исчисляется миллионами и даже миллиардами лет. По возрасту горных пород можно судить и о возрасте земного шара, и результат в корне противоречит рассказу о сотворении мира, описанному в Торе. Я читала о первобытных океанах, в водах которых зародились первые простейшие организмы. Меня увлекала теория эволюции Дарвина, которая описывала процесс развития жизни от простейших до самых сложных форм – от амебы до человека.

Трудно передать словами, до какой степени я была потрясена новой картиной мира, открывшейся передо мной. Чем глубже я погружалась в изучение этих теорий, тем быстрее происходил переход от первоначального потрясения к глубокому внутреннему убеждению. Так формировалось мое материалистическое мировоззрение, в котором нет места ни для чего сверхъестественного. Мир, каким я его вижу, управляется законами существования материи, которые всегда были и всегда будут, хотя и не все они пока открыты человеком.

Многое изменилось во мне за десятки лет прожитой жизни, но эта картина мира осталась незыблемой. Иногда я сожалею о том, что не способна верить в высшую силу, даже в самой абстрактной форме, не говоря уже о мифах различных религий. Я не считаю себя умнее людей

верующих (факт, что существуют великие ученые, сочетающие науку с набожностью), но что поделаешь – нет веры в моей душе.

Значительная часть содержания «Антирелигиозного учебника» была посвящена вопросу о возникновении и развитии религий. Я видела перед собой наглядную картину: первобытный человек стоит один перед могучими силами природы, полный ужаса и ощущения своего бессилия. От мира животных он унаследовал инстинкт самосохранения и делает первые попытки мыслить. Не способный понять суть явлений природы, он приходит к выводу: миром управляют высшие существа, мудрые и всемогущие. Человек должен молить их о милосердии, о защите от сил зла, о помощи в борьбе за существование. Так родились первые языческие верования.

С течением времени высшие существа были наделены именами, появились рассказы об их жизни и чертах их характеров, и их стали называть богами. Чтобы умиротворить их, люди приносили им жертвы. Так, на протяжении тысяч лет, сформировались многобожеские религии, которые были распространены в странах древнего мира – Египте, Греции, Вавилоне и Римской империи. Эти религии, исповедуемые по сей день в некоторых странах, стали основой для рождения больших монотеистических религий, из которых первым был иудаизм.

В книге было много выдержек из ТАНАХа и Нового завета. Для каждого категоричного утверждения в Священном Писании авторы находили, буквально через несколько страниц, не менее категоричные утверждения, противоположные первым. На многочисленных примерах доказывалось, что религиозные учения полны противоречий; верующим религия предписывает слепо принимать все и не задавать вопросов.

Наши родители видели, разумеется, какие изменения происходят в душах их детей. В отличие от того воспитания, которое они старались давать нам, они получили двух атеистов и социалистов. Без сомнения, это причиняло им боль. Они вынуждены были проявлять безграничную сдержанность и терпимость, чтобы не вмешиваться и не пытаться влиять на наши взгляды. Я слышала, как они перешептывались ночью: «Они (то есть мы, их дети) должны жить при этом строе, учиться и устраивать свою жизнь. Наша задача – принимать это и не вносить путаницу в их головы». Они мужественно выполняли эту задачу в течение всех лет нашей жизни при советском строе: мы не слышали ни слова критики.

Сегодня, задним числом, я думаю, что это было мужественное решение: ведь им пришлось на протяжении долгих лет скрывать свои мысли и чувства. Едва ли я была бы способна на это.

Учебник атеизма занимал меня в течение ряда лет, некоторые главы я перечитывала несколько раз: они были нелегки для восприятия.

Картина мира строилась, словно стена, камень за камнем, без ворот и щелей для побега. Ввиду молодого возраста я не смогла выработать критический подход к изучаемому материалу. Лишь много лет спустя я начала видеть «черные дыры» в теории эволюции, многие вопросы, оставшиеся без ответа. Особенно занимало меня происхождение человека. Я недоумевала: каким образом процесс эволюции, основанный на случайных мутациях, на разных континентах породил людей, но не одинаковых, а разных по цвету кожи и другим физическим признакам? С другой стороны, религия тоже не дает ответа на это.

Тогда, в пору моего отрочества, я была убеждена, что развитие науки приведет к постепенному ослаблению и отмиранию религий. На деле происходит противоположное: религиозные верования усиливаются и доходят до фанатизма, характерного для средневековья. Даже коммунисты, которые боролись против религии, на протяжении семидесяти лет разрушали церкви и подвергали репрессиям «служителей культа», после крушения СССР превратились в людей верующих. Разве может человек внезапно «сменить кожу»? Все это не более чем лицемерие. Лгали ли они тогда, когда боролись против религии, или лгут теперь, всячески демонстрируя свою набожность и прославляя православие как «государственную религию»?

Глава 5. По дороге в Сибирь

Весна 1941 года. Мы уже успели как-то приспособиться к новому образу жизни, к тесноте, к отсутствию многих привычных вещей. Я хорошо владела русским языком и была известна как прилежная ученица. Казалось, что жизнь постепенно налаживается.

И вот однажды в три часа ночи раздался звонок у двери. На пороге стояли трое мужчин и с ними одна перепуганная женщина, соседка. Они подняли ее с постели, чтобы служила свидетельницей. Что она должна была засвидетельствовать? Что семью буржуев выгнали из дома «гуманным образом», без применения насилия?

Мужчины велели всем нам одеться и собраться в единственной оставшейся комнате. Один из них достал из портфеля какой-то документ и сказал:

– Советская власть решила выслать вас. В руках у меня указ, подписанный «тройкой». Если хотите, я зачитаю вам его целиком.

Родители не хотели. Что от этого изменится? Ведь это указ, а не совещание.

– Куда? В какое место? – спросил папа.

– Мы не можем сказать вам в точности, куда. Могу лишь сказать, что это будет на территории СССР. Поторопитесь запаковать вещи, у нас мало времени. Не берите больше того, что вы способны нести.

Последние слова были лживыми: ни разу на всем пути в ссылку нам не приходилось нести багаж на себе. Им явно хотелось, чтобы в квартире осталось как можно больше вещей.

Мои родители были настолько потрясены, что почти не способны были что-либо делать. Что взять? В квартире вещей почти не осталось, так как часть была продана и часть конфискована налоговыми властями. Конфискованные вещи еще находились в квартире, налоговые агенты не нашли времени увезти их. Но моим родителям и в голову не приходило взять что-нибудь из них, ведь они были объявлены «собственностью трудящихся». Кое-какие ценные вещи были переданы на временное хранение родственникам и знакомым, которые не были буржуями и не подвергались репрессиям. В доме оставались только наша одежда, в основном ношенная, постельное белье, простая посуда и кухонная утварь.

– Во что паковать? У нас нет даже чемоданов! – сказала мама, вся в слезах.

– Возьмите одеяла или простыни, расстелите на полу, складывайте на них вещи и потом свяжите их узлами, – сказал один из мужчин.

Этот совет оказался полезным: действительно, не было никакой другой возможности запаковать вещи. Все мы принялись за дело. Мама не переставала плакать:

– Совершенно нечего взять. Дом пуст...

– Берите эти вещи, – сказал один из пришедших, который был, по-видимому, добрее остальных. Он показал на угол, где лежало конфискованное имущество.

– Что вы, как можно? Это описанные вещи, они уже не наши!

– Не имеет значения! Вы думаете, что во всей суматохе с высылкой кто-нибудь заметит это?

И все же мама не осмелилась прикоснуться к описанным вещам. Не только из-за страха – из-за порядочности, привитой ей воспитанием.

Мужчины расхаживали по квартире, смотрели, что в ней остается. Когда находили что-то такое, что им нравилось, они говорили: «Это нельзя брать!» Было ясно, что они намерены вернуться в квартиру для «окончательной очистки» после того, как увезут нас.

Я была спокойнее всех. Как ни странно, меня даже охватило радостное возбуждение. Мы едем в Советский Союз, страну свободы и братства народов! Хотя Латвия тоже была частью Советского Союза, все же она была другой, не совсем советской, в ней оставалось что-то западное (такой она оставалась до конца советской оккупации). А мы теперь будем жить в «настоя-

щем» Советском Союзе! Не может быть, чтобы нас ожидало что-то плохое, ведь там все счастливы! Все это походило на интересное приключение.

У меня оказалось больше всего вещей, так как детские вещи не были проданы или конфискованы. Я тщательно упаковала всю мою одежду и обувь, а из книг взяла только мой любимый «Антирелигиозный учебник».

Внизу, у парадной двери, нас ожидал грузовик. Мужчины, выселявшие нас, помогли нам забросить в кузов узлы с вещами и самим взобраться туда. Прощай, дом моего детства! Едва ли я увижу тебя вновь...

Светало, но улицы были почти пусты. Редкие прохожие как-то странно смотрели на нас. Когда мы расселись на своих узлах, мама произнесла слова, потрясшие меня:

– Хорошо, что мой отец умер.

– Мама, – закричала я, – как ты можешь говорить такое?!

Мама не смутилась. В ее голосе не было никакого выражения, когда она ответила:

– Он удостоился спокойной смерти в своей постели, без того, чтобы видеть, как нас выгоняют из дома, и страдать от тягот в пути.

Мы ехали по улицам просыпающегося города. Мне стало грустно от мрачных слов мамы, но я думала, что она преувеличивает. Когда мы подъехали к станции «Рига-товарная», вместо привычного пассажирского вокзала, с которого мы ездили в Юрмалу, я начала понимать, что она имела в виду.

Папа не произнес ни слова за всю дорогу до станции. Он изменился до неузнаваемости с того дня, когда комиссар приказал ему подписать «по доброй воле» документ о передаче всей собственности семьи «в руки трудящихся». Торговый дом, созданный благодаря его инициативе и энергии, был делом его жизни. Энергичный, жизнерадостный человек, который всегда был приветлив и перебрасывался шутками с продавщицами, в тот день как будто угас. Стал молчаливым, делал механически то, что нужно было делать. Иногда перешептывался с мамой, а с нами, детьми, почти не разговаривал.

Я часто думала: неужели это папа, шутник, весельчак, которого все любили? Мама всегда была серьезной, сдержанной и озабоченной, тогда как папа излучал искры юмора и смеха. Его нельзя было назвать красавцем, он был невысокого роста и рано облысел, но было в нем особое обаяние. Глаза у него были чистой голубизны; я не видела такого цвета глаз ни у кого другого.

С тех пор, как мне исполнилось пять лет, в семье у нас установился обычай: раз в неделю папа брал меня с собой в кафе, где мы лакомились пирожными. Он пил чай, я – какао. На улице многие здоровались с ним, а он отвечал на приветствия поднятием шляпы. Иногда останавливался и вел со знакомыми короткие беседы. Мне это очень нравилось. У нас было мало возможностей проводить время с вечно занятыми родителями, и я очень дорожила этими прогулками с папой.

И вот теперь он сидит в кузове грузовика, равнодушный, всем своим видом как бы говоря: «Самое худшее уже произошло. Терять больше нечего!» Впоследствии выяснилось, что это мнение было слишком оптимистичным. Пока человек жив, у него всегда есть что терять.

Вернемся, однако, к товарной станции железной дороги. Перед нами стоял длинный грузовой состав. Наши конвоиры поговорили с железнодорожниками, и те показали, который из вагонов «наш». Папа поднялся первым, и мы подали ему наши узлы с вещами.

Это был вагон для перевозки скота, сделанный из необтесанных досок. На одной из стен было наклеено белой краской: «Восемь лошадей или двенадцать коров». Внутри вагон был переоборудован: вдоль всех стен устроены двухэтажные нары из таких же грубых досок, глубиной в рост человека. На этих нарах мы должны были находиться, вместе с вещами, днем и ночью. Каждая семья на своем месте, одна возле другой, без промежутков.

В вагоне уже были люди, нижние нары были заняты, и мы расположились на верхних. Грузовики с людьми продолжали прибывать, вагон постепенно заполнялся. Когда железнодорожники увидели, что мест больше нет, они заперли дверь снаружи.

Говоря об «обстановке» вагона, нельзя не коснуться одной важной «архитектурной детали». К стене, расположенной напротив входной двери, был пристроен своеобразный «шкафчик» из досок, высотой приблизительно в полметра. В верхней стенке его было сделано круглое отверстие. Легко догадаться, для чего предназначалась эта «жемчужина архитектуры»: это была «уборная». Не было ни стенки, ни перегородки, которая отделяла бы эту дыру от остального пространства вагона. Над самой дырой нар не было, но они начинались рядом, буквально вплотную.

Когда обитатели вагона преодолели первый шок и более или менее разместились на нарах, было устроено короткое совещание. Кто-то пожертвовал «ради общего блага» большое покрывало. Двое мужчин подвесили его к потолку над «уборной» таким образом, чтобы оно заслоняло от взглядов сидевшего в ней – кроме ног, потому что покрывало не доходило до пола.

Часы проходили за часами, а состав не двигался с места. Лишь немногие из «обитателей» вагона взяли с собой продукты; воды же не было ни у кого. Голодные и жаждущие, люди начали колотить в дверь. Через некоторое время дверь приоткрылась. Вошел человек, назвавшийся ответственным за наш вагон, и на ломаном русском языке спросил, в чем дело. «Вода! Еда!» – кричали со всех нар. Он обещал принести и то, и другое, но предупредил, что за питание нам придется платить. Вскоре он принес ведро воды и ведро каши.

Этот парень служил нам «официантом» на протяжении всего пути. После раздачи пищи обитателям «своих» вагонов он проходил вдоль ряда этих вагонов и стучал в двери – готовыте деньги за еду.

Наш эшелон простоял на станции «Рига-товарная» трое суток – либо потому, что продолжалось заполнение вагонов, либо потому, что линии были заняты перевозкой более важных грузов, чем высылаемые буржуи. Все это время мы были заперты в вагоне. Трудно было дышать, два маленьких окошечка пропускали мало воздуха. Но хуже всего было страшное зловоние, исходившее из нашей «уборной»: поскольку поезд стоял на месте, под этой дырой скопилась куча испражнений. Когда поезд двигался, было чуть-чуть легче; но во всех больших городах по дороге эшелон стоял несколько дней, и зловоние в вагоне становилось невыносимым.

Много подробностей пути стерлись из моей памяти. Не знаю в точности, сколько дней мы провели в вагоне, но в одном я уверена: наше «путешествие» продолжалось не менее трех недель. Не помню, как проходили дни, лежали ли мы все время на жестких нарах – ведь никто не захватил с собой матрацы, в лучшем случае подстилали одеяла. Возможно, была подстилка из соломы. Пищу мы получали отвратительную: хлеб, суп, похожий на мутную воду, и каши из разных круп.

Самое ужасное, что врезалось в мою память на всю жизнь – это были муки с отправлением естественных нужд.

Это не слишком эстетичная тема, о ней не принято говорить, но в условиях вагона она превратилась в вопрос жизни. Не знаю, как другие – я же не в состоянии была облегчиться, когда рядом люди – тут же за тонким покрывалом, на расстоянии протянутой руки. Я ждала до двух часов ночи – времени, когда люди погружались в беспокойный сон, и лишь в редких случаях мне удавалось немного облегчиться. Меня все время распирало, живот болел. Полагаю, что и другие страдали. Ведь рижане всегда отличались хорошими манерами – но когда пятьдесят человек заперты в вагоне, лишенном всяких санитарных удобств, люди вынуждены приспособляться к варварским условиям.

Вновь и вновь вспоминались мне слова мамы: хорошо, что дедушка умер раньше. Два месяца отделяли его смерть от начала нашего путешествия. Он, без сомнения, не выдержал

бы в этих условиях и умер бы в муках в этом вонючем вагоне. Кто и где похоронил бы его? Ведь нас не освободили бы ради его похорон. Проводники поезда просто выбросили бы его тело из вагона.

На десятый день с начала нашего «путешествия» эшелон стоял на товарной станции города Кирова. Киров был одним из выдающихся деятелей компартии послереволюционного периода. Сталин видел в нем опасного соперника, более популярного, чем он сам (Кирова называли «любимцем партии»), и организовал покушение на него. Официальная версия гласила, что Кирова убили «враги народа». Ему устроили пышные похороны с участием Сталина, и город Вятка был назван его именем.

В третью ночь стоянки на станции в вагон вошли трое мужчин; один из них держал в руках официальный документ. Обитатели вагона сели на своих нарах и с тревогой смотрели на них. Человек с документом начал читать список имен и фамилий и приказал всем тем, кого он назвал, сойти с нар. Названы были имена мужчин, глав семей, и папы в том числе.

Поднялось волнение, женщины кричали, и только мужчины, столпившиеся на маленькой площадке возле двери, стояли молча, словно смирились со своей судьбой. Все думали, что их собираются казнить.

Человек со списком поднял руку и потребовал, чтобы все замолчали. Установилась напряженная тишина.

– Не впадайте в панику, – сказал представитель власти. – С вашими мужьями ничего плохого не случится.

– Куда вы уводите их? Зачем? – кричали женщины.

– Условия в вашем вагоне тяжелые, в него вселили слишком много людей. Мы хотим облегчить ваше положение и переводим мужчин в другой вагон. Когда поездка кончится, вы воссоединитесь.

Сопровождавшие его мужчины открыли настежь двери вагона и приказали толпившимся внизу ссыльным выйти. Они исчезли в ночной темноте, без возможности проститься с женами и детьми.

После их ухода в вагоне разгорелись споры. Несколько женщин поверили объяснениям «начальника», но большинство не поверило, в том числе и моя мама.

– Вдруг они начали заботиться о наших удобствах? Глупости! – сказала она.

– С другой стороны, если они намерены их убить, то зачем им понадобилось везти их до Кирова? – возражали другие. – Они могли сделать это даже в Риге!

– В Кировской области находится большой лагерный комплекс, носящий название «Вятлаг», – сказала одна из женщин, более осведомленная, чем другие. – Вероятнее всего, их разместят в лагерях и будут использовать как рабочую силу.

Большинство согласилось с ее мнением, но многие все же надеялись, что по окончании пути мужья присоединятся к ним.

Не помню, плакала ли мама. Последующие дни слились в моем сознании в густой туман, в котором невозможно выделить какие-либо детали.

Эшелон продолжал свое движение на восток. Через несколько дней он пересек Уральские горы. Мы находились в азиатской части СССР, в Сибири.

Много сказаний посвящено этому огромному краю, который всегда был местом ссылки противников власти – прежде царской, а затем и советской. Само слово «Сибирь» наводит на мысли о суровом климате, о страшных зимних морозах. В школе нам рассказывали, что и Сталин отбывал там ссылку. Но мы не знали, что сами будем жить в поселке, удаленном на сорок километров от села Нарым, где жил ссыльный Сталин, в то время молодой революционер. После революции и смерти Ленина, когда Сталин стал единоличным «вождем», избу, где он жил, превратили в музей, призванный увековечить его пребывание там и заодно показать «жестокость царского режима».

Забегая вперед, скажу, что мне довелось побывать в этом музее, я приезжала в Нарым, когда там временно работал мой муж. Изба, в которой жил ссыльный Сталин, была покрыта стеклянным куполом, чтобы сохранилась в веках и не развалилась. Внутри, если верить словам женщины-гида, все сохранено в том виде, в каком было при Сталине. Обстановка, надо сказать, была вполне приличной. В ответ на вопрос посетителя, как Сталин зарабатывал себе на жизнь, женщина-гид сказала, что ссыльных революционеров власти обеспечивали всем необходимым. Нам бы такую жестокость – невольно подумала я тогда.

По территории Сибири эшелон продвигался быстрее, потому что на пути было мало больших городов. Проводники стали обращаться с нами человечнее и даже разрешали выходить из вагонов на небольших станциях – видимо, не опасались, что кто-нибудь сбежит. Местные жители подходили к поезду и пытались продать обитателям вагонов молоко, яйца, овощи. Мы могли покупать только продукты, не требующие варки – ведь варить было негде.

Сибирские жители носили рваную и залатанную одежду, многие были босыми. Деревни и поселки, мимо которых мы проезжали, тоже имели запущенный вид. Все, что мы видели, в корне отличалось от того, что мы слышали о счастливой жизни в СССР...

Концом пути оказался Новосибирск – большой город с впечатляющим вокзалом. Всем нам было приказано выйти из вагонов. Мужчин, которых забрали в Кирове, в толпе выходивших из вагонов не оказалось. Женщины набросились на конвоиров с вопросами: «Где наши мужья? Нам было обещано ...» Конвоиры даже не пытались придумывать отговорки. Их ответом было мрачное молчание.

Было ясно: женщины и дети отправляются в ссылку одни, не зная ничего о судьбе своих мужей.

Глава 6. На новом месте

Из вокзала нас перевезли к пристани на берегу Оби – одной из самых больших рек в мире. На пристани стоял в ожидании нас грузопассажирский пароход. Всем нам приказали перейти на борт парохода и спуститься в трюм. Каждая семья нашла себе там какое-нибудь место. У мамы не хватило сил, чтобы захватить место на нарах (таких мест было мало, и люди буквально дрались за них). Мы пристроились в проходе, на полу. Можно было только сидеть на узлах, лечь было негде.

Пароход издал протяжный гудок и отплыл от пристани на север. Было разрешено свободно разгуливать по пароходу, поэтому мы с братом большую часть времени проводили на палубе. Одному надо было оставаться в трюме и стеречь вещи. В основном это делала мама.

Пароход не был приспособлен для перевозки такой массы людей в дополнение к его обычным пассажирам и грузам, поэтому вся система обслуживания вышла из строя. Камбуз не мог поставлять питание для всех, и только те, что умели пользоваться локтями и кулаками, пробивались вперед в очереди и что-то получали. Не менее агрессивные очереди выстраивались перед кранами с водой и туалетами, загаженными до такой степени, что входить в них без резиновых сапог было невозможно. Понятно, что главная проблема, которая мучила меня в вагоне, не только не решилась, а даже обострилась.

Было начало июня, и мы могли насладиться летним теплом и свежим воздухом. Но свет солнца подчеркнул, к великому потрясению и стыду, наш жалкий внешний вид. В течение трех недель пути мы не умывались, не чистили зубы, не переодевались. В полутемном вагоне, где все сидели на нарах, укутанные в одеяла, это не бросалось в глаза. Из своих домов мы вышли хорошо одетыми, как обычно одевались в Риге. Теперь это обернулось против нас: качество одежды подчеркивало грязь и запущенность. Мы выглядели как бомжи, нашедшие на помойке одежду, выброшенную богачами.

После трех дней плавания пароход пристал к берегу и оповестил о своем прибытии продолжительным гудком. На берегу виднелось несколько деревянных домиков и складов. Это была пристань села Парабель – районного центра, под контролем которого находилась территория, сравнимая с площадью Израиля.

Все недавние обитатели вагонов столпились на палубе. Был спущен трап. Возле него стоял человек в милицейской форме и вызывал по списку тех, которые должны сойти на берег. Остальные поплывут дальше, на север, к следующей пристани.

Мы были в числе тех, кому велели сойти на берег. Местные начальники получили от конвоиров списки, проверили, все ли присутствуют, и повели нас – пешком, только для багажа были предоставлены телеги – к большому зданию, украшенному башенкой (судя по всем признакам, оно служило когда-то церковью). Внутри был большой зал, совершенно пустой, без мебели; пол был относительно чистым. Мы устроились в каком-то углу. Места хватало для всех. Что ж, и на том спасибо, о другом комфорте мы уже забыли. Сотрудники НКВД дежурили у входа, но были не слишком строги и разрешали выходить из здания, только просили не уходить далеко. Они знали, что бежать нам некуда.

Мы провели в церкви ночь, а наутро пришли люди в гражданской одежде и обратились к сотрудникам НКВД. Оказалось, что это председатели колхозов района. Им дали списки семей, которые каждый из них должен принять и устроить в своем поселке. Семьи столпились вокруг «своих» председателей. Поодаль стояли телеги с лошадьми, и председатели рассаживали на них «своих» людей с их убогим багажом, чтобы доставить их на места постоянного жительства.

На нашу долю выпал поселок под названием Малые Бугры. Все жители поселка были колхозниками. К счастью для нас, поселок находился на расстоянии всего лишь четырех километ-

ров от районного центра Парабель. Все важные учреждения были сконцентрированы в Парабели, и нам нередко приходилось ходить туда – пешком, разумеется.

Поселок представлял собой одну длинную улицу, вдоль которой по обе стороны располагались избы членов колхоза. Каждая изба отделялась от улицы оградой, а за оградой простирались приусадебные участки семей. В центре поселка действительно был бугор, не очень высокий. Там, на возвышенном месте, находились дом правления колхоза и большой двор, где колхозники собирались по утрам для получения заданий на работу. Этот двор был известен под прозвищем «конный двор», потому что рядом с ним располагались конюшня и изба для хранения сбруи. Напротив двора был колодец, а немного дальше – клуб и начальная школа.

Председатель повел нас к избе рядом с «конным двором», в самом центре поселка. У этой избы не было сеней – важной части каждой крестьянской избы, своего рода комнаты без отопления, где хранились зимой кадки с замороженной квашеной капустой, мясо (если оно было) и различные орудия для работы на огороде. «Наша» изба казалась недостроенной. И действительно, председатель объяснил маме, что хозяева избы, супруги Дороховы, умерли, а трое их взрослых детей не потрудились закончить строительство дома. Молодые хозяева, не обремененные семьями, редко бывали дома: их, как большинство холостяков, постоянно мобилизовывали на работы вдали от поселка – такие, как лесозаготовки и прокладка дорог.

Когда нас привели в избу Дороховых, никого из хозяев не было дома. Председатель не счел нужным заручиться их согласием на вселение квартирантов. К этому дому относились как к «бесхозному имуществу», с которым колхоз делает все, что хочет.

Мы с удивлением увидели, что в избе уже проживает семья квартирантов из четырех человек: пожилая женщина, ее взрослая дочь и двое внуков. Оказалось, что они живут здесь уже несколько лет. Если учитывать, что члены семьи Дороховых все же иногда бывают дома, то вместе с квартирантами в избе проживало семь человек. Теперь нас было десять человек. В ближайшие дни выяснилось, что и это не предел.

Некоторые семьи в поселке вообще отказывались принимать квартирантов. Это были крепкие хозяева, умеющие постоять за себя, и правление колхоза не хотело конфликтовать с ними. Часть колхозников была согласна принять квартирантов – не более одной семьи, при условии, что квартиранты будут помогать в работах по дому и в присмотре за маленькими детьми.

«Наша» изба была построена по типичному образцу всех изб поселка и отличалась от них разве что отсутствием сеней. У каждой избы крыша с покатыми плоскостями в две стороны, на ребре пересечения плоскостей кирпичная труба. Стены сложены из целых неотесанных бревен; в концах бревен выдалбливаются полукруглые углубления для укладки следующего поперечного бревна. Такой тип постройки, без единого гвоздя или металлического крепления, называется срубом; вся сельская Россия веками застраивалась таким образом.

Снаружи между двумя плоскостями крыши образовывалось треугольное помещение, которое называли «вышкой» (во Франции его называли бы мансардой). Чтобы попасть туда, к стене приставляли длинную деревянную лестницу. На вышке обычно хранились разные старые вещи. Летом там можно было скрыться от духоты и тесноты в избе, отдохнуть и спокойно почитать книжку. Иногда вышка служила укромным местом для встреч влюбленных пар.

Внутренняя часть избы Дороховых состояла из комнаты, в которую входят с улицы (ее называют передней избой), и еще одной комнаты, поменьше, отделенной от передней избы дощатой перегородкой и называемой горницей. Обычно горница служит спальней для хозяев. Во многих избах нет горниц, только одна большая передняя изба.

В левом углу передней избы, напротив входа, были две длинные скамьи, прикрепленные к передней и боковой стенам в форме буквы «Г». Перед ними – стол, а перед столом еще одна скамья. В правом переднем углу стояла широкая кровать русских квартирантов, живших в избе еще до нас; все они, вчетвером, спали на одной кровати.

Шкафы имелись лишь в нескольких «самых богатых» домах поселка. У большинства колхозников местами для хранения одежды служили большие сундуки, запираемые на замок. Что касается нас, ссыльных, то свой убогий скарб мы хранили под кроватью. Несколько предметов верхней одежды мы повесили на гвозди, вбитые в доски перегородки.

Русская печь – это необходимая часть каждой избы и в то же время самое громоздкое и неэффективное сооружение, какое можно себе представить. Во-первых, она очень велика и занимает почти четверть площади передней избы. Во-вторых, она не обогревает помещение. Ее стенки настолько толсты, что внутренний жар не прогревает их насквозь. В-третьих, в ней очень неудобно варить обычную еду. Ее топка находится глубоко от входного отверстия, поэтому требуются кочерга, чтобы задвигать в нее дрова, и ухват, чтобы вносить внутрь горшки с варевом.

Русская печь

Это оригинальное изобретение неизвестного русского гения служило одной цели – выпечке хлеба. В поселке не было ни одного ларька, поэтому каждое хозяйство должно было само обеспечивать себя продуктами питания: выращивать овощи на приусадебном участке, держать коров и кур и печь хлеб.

Русскую печь топили только в «дни хлебопечения». Женщины готовили квашеное тесто в специальных кадушках, называемых квашнями. Из теста они лепили пять или шесть круглых буханок. После того как дрова в печи сгорели, они отгребали кочергой в сторону пылающие угли и с помощью специальной деревянной лопаты вводили буханки в печь – прямо на дно топки. Интересно было наблюдать, с какой ловкостью они это делали: клали шар мягкого теста на лопату, вводили в топку печи и с быстротой молнии выдергивали лопату, чтобы буханка не потеряла свою форму. В квашне они оставляли кусочек теста, чтобы оно служило закваской для следующей выпечки.

Колхозница готовит на своей «кухне»

В наружной стенке печи было несколько выемок, служивших «ступеньками» для желающих взобраться на «крышу» печи – лежанку. Небольшой квадрат перед входом в топку – шесток – служил местом готовки пищи, наподобие гранитных плит в наших кухнях.

Вернемся, однако, к первому дню нашей жизни в избе Дороховых. Прежде всего надо было позаботиться об условиях ночлега. На деревянной койке, любезно предоставленной нам, не было матраца, одни голые доски. Как быть? Русские жильцы дома дали маме большой холщовый мешок и посоветовали пойти на ток, где стоит молотилка. Там можно набить мешок соломой. «Все мы так делаем», – объяснила бабушка. Ее семилетний внук вызвался показать нам дорогу. Мы набили мешок соломой; поднялось облако пыли, но кто обращает внимание на такие мелочи. Хотя бы мы с мамой не будем лежать на голых досках.

Солома в этом своеобразном матраце через три-четыре недели истиралась в труху, и тогда нужно было вновь идти на ток за «свежей» соломой. Это стало одной из моих постоянных обязанностей: солома была легка, а дорогу я уже знала.

Иосифу не достался даже такой матрац. Он спал на полу, а подстилкой служила разная ветошь, которую мы нашли на вышке.

У мамы было немного денег, и нужно было купить какие-нибудь продукты. И в этом помогли добрые советы старожилов: кто из колхозников продает картошку, где можно купить молоко и буханку хлеба. Варка, как выяснилось, была серьезной проблемой. Мама хотела сварить суп, но ей сказали, что летом плиту не топят – разве что хозяева потребуют. Нам показали странное устройство на дворе: несколько положенных друг на друга кирпичей. Это была «летняя печка». Ставят горшок на верхний кирпич, вокруг раскладывают щепки и зажигают их. Нужно обращать внимание на направление ветра: класть щепки так, чтобы ветер направлял пламя на горшок, а не в сторону. А где взять щепки? «Возле клуба работают плотники, там много щепок. Пошли девчонку, пусть принесет». Так я получила еще одну обязанность – заботиться о дровах.

Чугуны и другая кухонная посуда

После всех этих хлопот у нас получилось жалкое варево, сильно пахнущее дымом. Мама сказала, что запах дыма будет отныне заменять запах мяса.

Кастрюль современного типа в обиходе не было. Горшки, которыми пользовались в нашей избе и во всех домах поселка, были особого рода: черные, отлитые из чугуна, они так и назывались: большой – чугуном, а маленький или средний – чугушкой. Все чугуны были особой формы, суженной в нижней части, что позволяло переносить их с помощью ухвата.

Рукомойник

Колхозники не хотели продавать хлеб, но в тот день пожалели нас: только что прибыли, не успели устроиться. «Скоро, – сказали маме, – начнешь работать в колхозе и получишь паек – пятьсот граммов хлеба на работника и триста граммов на иждивенца».

Глава 7. Урок политграмоты

Вечером в избе собралась масса народу: изба Дороховых всегда служила местом сборищ. Те, кому случалось бывать на «конном дворе» (иными словами, почти все) заходили сюда покурить, послушать новости и свежие сплетни. На сей раз всем хотелось посмотреть на ссыльных, прибывших из «большого города». Мама, миловидная женщина 38 лет, удостоилась особой чести: решено было называть ее по отчеству, хотя это принято в обращении к пожилым и уважаемым людям.

– Как отца-то звали? – таков был первый вопрос.

Покойного дедушку звали Элиас (Элиягу) Михаэль. Мама сочла, что второе имя местным крестьянам легче будет усвоить. «Михаил», – сказала она, изменив имя на русский лад.

– Значит, ты у нас будешь Михайловна, – было решено сразу. Так маму называли на протяжении всех лет нашей жизни в поселке.

Незваные гости заняли все лавки вдоль стен, а мама сидела впереди их на третьей лавке. Кому не хватило места на лавках, те сидели на полу; русские квартиранты – на своей койке, а один из хозяев – на русской печи. Мама – в центре. Я вертелась среди всей этой публики, старалась ловить каждое слово. Местным жителям было любопытно узнать о нашей жизни «там», а мама интересовалась образом жизни здесь.

Она рассказала кратко о торговом доме, которым владела, о нашей квартире, о ночи, когда нас вывели из дома, о муже, которого отделили от семьи и увезли неизвестно куда. «И вот я оказалась здесь с двумя детьми и не знаю, что делать и с чего начать», – закончила она свой рассказ.

Присутствующие были ошеломлены описанием нашей прежней жизни. Затем один из мужчин, казавшийся более интеллигентным, чем другие, начал свой рассказ.

– Вам повезло, – сказал он, к изумлению мамы. – Вас привезли на заселенное место. Есть поселок, есть дома, есть дороги. Мы тоже ссыльные. Десять лет назад нас привезли прямо в тайгу, в снег – дело было зимой, вы еще увидите, что такое сибирская зима. Ни дома, ни колодца – ничего. Мы долбили мерзлую землю, строили землянки, сверху покрывали их ветвями и снегом. Так прожили первую зиму. Все дети и старики умерли, не выдержали.

– Что, и вы тоже ссыльные? С каких пор? Откуда вас выслали?

– Из Расеи, откуда ж больше («Расея», а не «Россия» – так среди сибиряков принято называть европейскую часть СССР). Когда? В 1931 году, когда стали создавать колхозы.

– Но почему? Чем вы занимались до высылки? Мы были буржуи, это понятно, но вы?

– Крестьяне мы, земледельцы, что там, то и здесь. Слово «кулак» слышала? Так вот, мы были кулаки. Это как буржуи, только в деревне. До колхозов у каждой крестьянской семьи было свое хозяйство, и у нас были более богатые хозяйства. Мы не пьянствовали, как другие, не ленились, трудились, как в Писании сказано, в поте лица своего. Наш труд дал плоды. У кого была лошадь, а то и две, несколько коров, добротный дом, удобренные и обработанные поля, тот кулак. Он мешает строить социализм. Враг народа – в точности как вы.

– Как же вам удалось построить здесь дома?

– Пришли начальники, спросили, согласны ли мы основать колхоз. Мы, понятно, сказали «да», выхода-то другого не было. С весны власти начали помогать нам в устройстве. Очертили площадь, отведенную для колхоза. Разрешили рубить лес и строить дома. Привезли инвентарь для работы в поле, скотину. Когда колхоз встал на ноги, его обязали рассчитаться с государством за оказанную помощь.

Мама была ошеломлена. Мне тоже трудно было переварить услышанное. Все это настолько отличалось от розовой картины, которую я привезла из Риги в своем воображении...

Женщины шептали Николаю (так звали рассказчика), чтобы поостерегся. Чтобы не высказывался «против властей». Кто-нибудь может донести, и тогда бед не оберешься. Он кивал в ответ: дескать, знаю. Он не давал никакой оценки тому, о чем рассказывал – не хвалил и не хулил.

Мама хотела узнать, что представляет собой колхоз. Можно ли прожить на зарплату от работы в колхозе? Единственная ли это форма советского сельского хозяйства?

– Сельское хозяйство имеет две формы – совхоз и колхоз. В совхозе все принадлежит государству, а крестьяне работают, как рабочие на заводах – получают зарплату. В колхозе все принадлежит нам, то есть коллективу. Зарплату мы не получаем. В конце сельскохозяйственного года, осенью, после выполнения наших обязательств перед государством, подсчитывают, что осталось, и делят между членами колхоза, согласно числу выработанных ими трудодней.

– Значит, деньги вам вообще не платят?

– Насколько мне помнится, только один раз мы получили немного денег. В тот год был особенно большой урожай.

– Что же получают в обычный год?

– В основном муку, чтобы печь хлеб. Ну, еще немного овощей, капусту, например. Другие овощи нам не нужны, мы выращиваем их на своих огородах.

– Значит, вы работаете круглый год за хлеб и немного капусты?

Николай вздохнул и ничего не ответил.

– А что это за обязательства перед государством?

– Государство облагает колхоз налогом. Этот налог мы платим не деньгами, а продукцией. К примеру, у колхоза есть молочная ферма, есть свинарник, но все, что производится там, идет государству. Нам от этого ничего не достается. Часть зерна тоже нужно сдавать государству. Это называется «госзакупками», но на самом деле все отдается даром. Цены по закупкам колхоз получает такие, что об этих деньгах даже говорить не стоит.

– Если так, то зачем вы держите молочную ферму и свинарник?

– Государство обязывает. Горожанам нужно молоко и мясо, да и хлеб тоже. Кто даст, если не мы?

– А что вы делаете, когда вам нужны одежда, обувь и другие вещи, которые надо покупать за деньги?

– Продаем что-нибудь из наших личных хозяйств. Все мы держим коров, выращиваем телят, свиней, кур. Правда, и из этого часть надо сдавать государству, но все же что-то остается. Вот и вы будете покупать у нас продукты. Раз в неделю, по воскресеньям, в Парабели действует «колхозный рынок», мы там основные продавцы.

Когда мама выразила надежду, что ее муж вскоре присоединится к семье («они ведь обещали!»), крестьяне отнеслись к ее словам скептически. Не обращая внимания на предостерегающие знаки, Николай рассказал, что в 1937 году в поселок пришли сотрудники НКВД и арестовали группу мужчин, считавшихся «активистами». Ни один из них не вернулся. Никто не знает, куда их увезли и какая судьба их постигла.

– Что это значит – активисты?

– Это были люди грамотные, иногда они выступали на собраниях, иногда писали какую-нибудь жалобу. Короче говоря, они были немножко активнее, чем другие.

Мама осталась после этой беседы не очень ободренной, мягко говоря.

На следующий день в поселок прибыл комендант из Парабели. Он велел местным мальчишкам обойти всех новых ссыльных и объявить им, чтобы собрались возле клуба.

У клуба было высокое крыльцо из пяти ступенек. Комендант стоял на верхней ступеньке, а внизу, возле крыльца, толпились женщины с детьми. Он возвышался над нами; это подчеркивало его высокое положение, в отличие от нашего, приниженного.

Он зачитал официальный документ – постановление «тройки» о нашей высылке сроком на двадцать лет. Затем объяснил, каков наш гражданский статус: мы ссыльнопоселенцы. Пункт, согласно которому «тройка» решила выслать нас, гласил: «лица социально опасные».

Между прочим, у крестьян, которых выслали сюда в 1931 году, был другой гражданский статус – спецпоселенцы. Их называли коротким словом – спецы.

Комендант объяснил, что все мы подчинены комендатуре. Комендатура со своей стороны подчинена НКВД. В комендатуре три коменданта: главный (он сам) и два его заместителя. Приказы каждого из них обязательны для нас.

Нельзя покидать место поселения без разрешения комендатуры. Без разрешений можно ходить в ближайшие деревни, в радиусе десяти километров. Чтобы удалиться на большее расстояние, нужно получить разрешение от комендатуры. Взрослые обязаны работать – не обязательно в колхозе, можно работать и в Парабели или в другом поселке.

Он раздал женщинам листки, заменяющие удостоверения личности. На них значились имя, отчество, фамилия, гражданский статус, пол, дата рождения, место рождения и место поселения. Всем взрослым, начиная с шестнадцати лет, надлежит раз в месяц являться в комендатуру для «регистрации» – проверки присутствия.

Когда он кончил свои разъяснения, женщины начали кричать:

– Где наши мужья? Когда они вернутся к своим семьям?

Комендант ответил, что он отвечает только за группу, прибывшую на пароходе. У него нет никакой информации о тех, кого забрали по дороге.

– Вы можете послать запрос в комиссариат внутренних дел в Москве. Может быть, вам ответят, – сказал он не очень уверенным тоном.

Прошло еще несколько дней – и мы узнали о начале вой ны. Нацистская Германия напала на Советский Союз, вопреки договору, заключенному между обоими государствами всего двумя годами раньше.

Глава 8. Главная цель – выживание

Моя мама может служить образцом способности человека приспособиться к крайним изменениям в его судьбе. Давно ли она была уважаемой дамой, владелицей собственности, державшей работниц в магазине и прислугу в доме, счастливой женой и матерью – и вот она на чужбине, лишенная всего, без дома, без мужа, без заработка, с двумя детьми, о которых она должна заботиться. Нужно быть железной, чтобы не сломиться – и она не сломилась.

Она не плакала и не жаловалась. Веселой она никогда не была, а теперь ее серьезность стала мрачной. Некоторые ее решения могут показаться жестокими, но без них мы бы едва ли выжили.

С первых же дней она ввела строжайший «режим питания», который никоим образом нельзя было нарушать. Это был режим постоянного голода, грызущего днем и ночью. Я едва ли могла бы держать своих детей в состоянии такого голода. Она смогла, да и сама съедала не больше той нормы, которую установила для нас. Мясо и яйца были сразу исключены из рациона. В норму входили пол-литра молока в день – не для питья, а для забеливания жидкого супа, который был главной частью нашего «меню» и состоял из трех картофелин, горсточки крупы или муки и большого количества воды. Добавление молока придавало этому вареву беловатый цвет, и это создавало иллюзию, что хлебаешь не только воду.

Чтобы покупать картошку, крупу и молоко, мы продавали вещи, чаще всего путем прямого обмена на продукты. Выручку за очередную продажу мама старалась растянуть на максимальный срок.

Это была война со временем – протянуть еще день, еще неделю, еще месяц. Война казалась проигранной заранее: ведь точка финиша, до которой надо дотянуть, скрывалась в неизвестном будущем.

Мама решила, что Иосиф не пойдет в школу и постарается найти работу в райцентре Парабель. У него будет паек рабочего – пятьсот граммов хлеба. Может быть, будет и какая-то зарплата. Это было жестокое решение, ведь ему было всего четырнадцать лет. Но я опять-таки, задним числом, думаю, что при тех обстоятельствах это было правильное решение, и если бы мама поддалась чувству жалости, это ухудшило бы наши шансы на выживание.

Сама она решила начать работать в колхозе, чтобы получать паек – пятьсот граммов хлеба для себя и триста граммов для меня.

Иосиф устроился на работу в Парабели «по блату». Среди ссыльных был один человек, который произвел впечатление на местное начальство своими организаторскими способностями. Он вызвался организовать артель ремесленников, чтобы тем самым решить проблему трудоустройства ссыльнопоселенцев и поставлять услуги населению. Начальникам идея понравилась, и они дали ему нужные средства, помещение и свободу действий. Так возникла артель под названием «Металлист». В ней были различные цеха: пошивочный, столярный и другие. Инициатор занял пост председателя артели и был первым ссыльным, который вошел в ряды местного начальства.

Мои родители знали его еще в Риге, и когда мама обратилась к нему с просьбой принять ее сына на работу, он не отказал ей, хотя и думал, что мальчик слишком молод.

Брат получил рабочий паек и начал работать в столярном цехе, где приобрел специальность бондаря. Начальник цеха не делал ему никаких скидок на возраст и требовал выполнения норм, установленных для взрослых рабочих.

К хлебным карточкам прилагались купоны на получение других продуктов наподобие сахара, масла, колбасы. Может быть, в крупных городах выдавали что-то по этим купонам, но в нашей местности они «не отоваривались» – новое для нас слово из советского лексикона. «Отоваривался» только хлеб, да и то не бесплатно, а за низкую цену.

Меня невозможно было приспособить к какому-либо виду заработка, я была для этого слишком мала, поэтому было решено, что я пойду в школу.

Мой вклад в наше существование выражался в том, что мои платья и туфли составляли значительную часть среди вещей, обмениваемых на картошку и муку. Как уже упоминалось, я вела себя во время нашей высылки из дому очень деловито и запаковала все, что у меня было. Теперь на мои красивые платица и лакированные туфельки был большой спрос, все жены парабельских начальников хотели одеть своих дочек в наряды, которые раньше были моими.

Я не сожалела о своих постепенно исчезающих вещах. Всегда хотела «быть как все», не бросаться в глаза. Сразу же стала ходить босиком, как все дети поселка. Как ни смешно, мне нравились безобразные ситцевые платья без талии и фасона, какие носили девочки в поселке. Моя прежняя одежда казалась бы смешной на фоне деревенской жизни.

Председатель колхоза объединил всех ссыльных женщин в одну бригаду. Первый вид работы был, по тамошним меркам, самым легким: дерганье льна. Это делается так: растения выдергивают из земли с корнем и затем связывают в снопы (завязкой служит тонкий пучок того же льна). Чтобы лен высох, снопы ставят в суслоны: три снопа ставят корнями вниз, так, чтобы они опирались друг на друга и не падали. Это основа суслона. Основу обкладывают со всех сторон дополнительными снопами – по 9-10 на суслон. Количество сделанной работы измеряется площадью, с которой лен выдернут, связан и уставлен в суслоны. За сделанную работу бригадир записывает трудодни.

Поля с посевами льна были удалены от поселка на несколько километров. Само собой понятно, что это расстояние нужно было проходить пешком – туда и обратно.

Мама была единственной еврейкой в бригаде. Она никогда не была сильна физически (как и я). Латышки жаловались бригадиру, что она делает меньше их, и требовали, чтобы ее отделили от них. Это ничего не изменило бы с точки зрения «оплаты труда» – просто выражение враждебности.

Сводки с фронтов были мрачными. На фоне сообщений об отступлении Красной армии отношение латышек к маме ухудшилось. Они были уверены, что Советский Союз вот-вот потерпит поражение, радовались сообщениям о каждом сданном немцам городе и говорили маме: «Скоро мы вернемся домой и закончим наши счета с евреями!»

Некоторые из них начали «пировать» в расчете на скорое возвращение – покупать дорогие продукты: сметану, яйца, мясо: «Незачем экономить, через несколько дней вернемся в Ригу!» Их планы не осуществились, и многих из тех, которые растратили все за это лето, постигла горькая судьба.

Мама возвращалась с работы серая, еле способная двигаться. Было ясно, что долго она на такой работе не выдержит. До осени она продолжала делать разные работы в колхозе, а зимой нет полевых работ. Иосиф, который был уже гордым рабочим в артели «Металлист», получил иждивенческие карточки для мамы и для меня – по триста граммов хлеба на каждую.

Несколькими днями позже, когда мы уже как-то расположились, прибыла новая волна ссыльных – на сей раз из республики Молдавии, которую раньше, когда она была под властью Румынии, называли Бессарабией. Летом 1940 года Советский Союз оккупировал Бессарабию одновременно с прибалтийскими странами согласно договору с нацистской Германией о разделе Европы, и к республикам Союза прибавилась еще одна.

Председатель колхоза счел возможным вселить в «бесхозную» избу Дороховых еще одну семью из пяти человек – чету Гофман с тремя дочерьми. До ее прибытия мы были единственными евреями в поселке.

Теперь нас было пятнадцать душ в избе площадью не больше маленькой полуторакомнатной квартиры. Мы, ссыльные, не смели жаловаться на невыносимые условия. Да и к кому мы могли обратиться? Мы уже усвоили простую истину: власти могут делать с людьми, особенно ссыльными, все, что захотят.

«Молдаване», в отличие от нас, прибыли целыми семьями, мужья не были отделены от жен. Почему власти поступали по-разному со ссыльными из различных мест – об этом можно только гадать. Может быть, ссыльные из Молдавии считались «менее социально опасными», чем ссыльные из прибалтийских стран? Или дело было просто в отсутствии порядка и логики?

Итак, мы оказались в самой густонаселенной избе в поселке. Нелегко описать, как мы разместились в ней. Все же попытаюсь.

В горнице у передней стены, возле окна, стояла узкая кровать, на которой спали мама и я. У противоположной стены стояла кровать Муси, старшей дочери семьи Гофман. Муся, красивая восемнадцатилетняя девушка, была больна чахоткой. Она все время лежала в кровати и почти не вставала.

Остальные члены семьи Гофман спали на полу в передней избе. Мой брат спал на полу в горнице, в промежутке между двумя кроватями. Хозяева избы, изредка ночевавшие дома, вынуждены были спать на русской печи возле входа, на сундуке в горнице или на любом незанятом метре пола.

Найти свободный квадратный метр пола ночью было нелегко: всюду спали люди. Добраться в темноте до выходной двери, не наступив на кого-нибудь, было сложной задачей. И все же каждому приходилось выходить ночью хотя бы раз.

Семья Гофман прибыла из небольшого провинциального городка. Родители, Ноах и Мирьям, активно участвовали в жизни еврейской общины: Мирьям руководила культурными учреждениями, а Ноах был председателем местного отделения общества «Маккаби». Они были не особенно богаты. Ноах и трое его братьев совместно владели мельницей, продуктовой лавкой и фабрикой по выработке молочных продуктов.

У них были три дочери. О старшей, Мусе, больной туберкулезом легких, я уже упоминала. Средняя, Бася (в Израиле ее имя произносится «Батия», а в русскоязычных кругах ее называли Асей), девочка 12 лет, считалась «большой» и сразу заняла командные позиции в повседневных делах семьи. Она как будто «взяла под опеку» родителей. Несмотря на свой юный возраст, она быстро научилась делать все домашние дела – например, умела доставать воду из колодца и нести два полных ведра на коромысле. Это совсем не так просто, как кажется; моя мама научилась носить воду на коромысле только несколько лет спустя. Не говоря уже о тяжести, это требует умения ходить своеобразной походкой, напоминающей походку манекенщиц на подиуме: иначе ведра будут раскачиваться в унисон шагам и вода из них выплеснется.

Я овладела этим искусством через несколько лет, но в то время даже не могла дотянуться до рукоятки, которую надо вращать, чтобы цепь, к которой привязана бадья, наматывалась на барабан, поднимая бадью из глубины колодца. Когда я подросла, то стала «главным водоносом» семьи.

Отец семейства Гофман, Ноах, высокий и сильный мужчина, стал работать грузчиком на пристани. Его жена, Мария Львовна, была женщиной болезненной и страдала мигренями. Она умела шить и немножко зарабатывала пошивом одежды для колхозниц. Больших заработков это не давало, потому что у колхозниц не было денег, да и тканей не было, они исчезли с магазинных полок вместе с другими товарами потребления сразу с началом войны. Младшей дочке Гофманов, Розе, было семь лет. Иногда я играла с ней, но чувствовала себя намного старше ее. В детстве разница в два года – это значительный разрыв в возрасте.

Нелегко было дотянуться до рукоятки, вращающей барабан колодца

Отношения между нами и семьей Гофман были не слишком хороши. Когда живешь в такой тесноте, трения неизбежны. В избе велась ежедневная война за каждый квадратный метр, за право положить какую-нибудь вещь, за место на плите. Борьба за существование требовала жертв с обеих сторон.

Можно понять боль мамы, мужа которой забрали неизвестно куда, возможно, навсегда, в то время как семья Гофман осталась неразделенной. Гофманы, разумеется, не были виноваты в этом. Серьезных ссор между семьями не было, но чувствовалась напряженность. Бывали иногда и душевные разговоры между женщинами, рассказы о прошлом, тоска по жизни, ушедшей безвозвратно.

Я в то лето тяжело заболела, но не осознавала это. Мне помнится только, что после нескольких недель острого голода я вдруг потеряла аппетит. Не хотела есть даже ломтик хлеба из муки грубого помола с примесью отрубей, не говоря уже об отвратительных супах, состоявших главным образом из воды. То небольшое съестное, что оставляла мама перед уходом на работу в поле, я скармливала соседской дворняге.

Я постепенно слабела и стала проводить все свободное время в кровати. Если была книжка, то читала, если нет – просто лежала. Дело дошло до того, что я с трудом могла подняться, но мне это было безразлично. Местные женщины, глядя на меня, говорили маме: «Помрет девчонка-то у тебя, Михайловна».

Крестьянки поселка не видели ничего особенного в высказываниях такого рода. У каждой из них умирали маленькие дети, из семи-восьми родившихся оставалось в живых трое или четверо. Они не оплакивали своих младенцев, считали их смерть обыденным явлением. Когда умирал ребенок постарше, лет трех или четырех, они говорили: «Жалко, он уже был большой!» Иными словами, на него уже было потрачено много работы – и все впустую.

Я была уже совсем большая, поэтому жалко, если умру. На Малых Буграх не было никакого медицинского учреждения, даже медпункта с фельдшером не было. Мама повела меня в

районную поликлинику (местные называли ее «полуклиник») в Парабели. Врачу нечего было предложить нам, лекарств никаких не было. Он знал также, что моя болезнь вызвана недостатком питательных веществ в организме. Понятно, что он не мог изменить условия нашего питания. Он посоветовал укрепить мой организм с помощью вина – сладкого вермута. Иных средств помощи у него не было. Он знал, что в столовой для начальства есть вино, и дал маме купоны, по которым нам выдавали раз в неделю бутылку вермута. Мне нужно было пить по столовой ложке вина три раза в день. Что касается диагноза, он высказал предположение, что это начальная стадия туберкулеза легких.

Через много лет правильность его диагноза подтвердилась: при флюорографии грудной клетки видны были черные точки в моих легких. Это были заизвестковавшиеся очаги, на медицинском языке петрификаты, следы начала болезни. Какое чудо остановило развитие болезни в тех страшных условиях – это осталось для меня загадкой. Верующий человек сказал бы «рука Господня» – но если так, почему Бог вмешался именно ради меня, а не ради Муси Гофман, которая умерла от этой болезни несколько лет спустя?

Возможный ответ на загадку я получила от Баси, сестры Муси, которая в Израиле звалась Асей Рожанской – по фамилии бывшего мужа. Сегодня Аси уже нет в живых, к великому моему сожалению; за год до ее кончины у нас с ней был разговор на эту тему, и она рассказала мне о стычке между нашими мамами. Она была уверена, что этот инцидент спас мою жизнь.

Согласно ее рассказу, все видели, что я угасаю, но моя мама ни на сантиметр не отступала от введенного ею «режима питания». Однажды Мария Львовна не удержалась и сказала ей: «Мадам Рабинович, неужели вы не видите, что ваша девочка умирает? У вас есть несколько костюмов мужа, продайте один и купите продуктов, чтобы поддержать ее – сметану, яйца, все, что можно достать!» Моя мама, согласно этой версии, ответила ей: «Что скажет мой муж, когда вернется и увидит, что я продала его костюмы?» На это г-жа Гофман ответила: «Ваш муж в первую очередь спросит вас о том, где его дети, а не о том, где его костюмы!»

Эти слова, как считала Ася, произвели на маму впечатление, и она действительно продала один из костюмов папы и купила немного продуктов специально для меня. Как ни странно, я совершенно не помню, что получала особое питание, но Ася утверждала, что так оно и было. Помню только, что постепенно моя слабость прошла, и я встала с кровати. Это было перед началом учебного года. Мне очень хотелось ходить в школу.

Глава 9. Школа. Библиотека Николая Павловича

Школа находилась недалеко от «нашей» избы – по ту сторону от «конного двора». Между прочим, «конный двор» тоже был для меня своего рода школой: соседство с ним очень обогатило мои познания в русском языке. Какие только сочетания нецензурных слов можно было услышать там! Жизнь возле «конного двора» сделала меня настоящим знатоком так называемой «ненормативной лексики», или, просто говоря, русского мата.

В поселке Малые Бугры действовала только начальная школа – с первого класса по четвертый. Школьная система в то время была построена так: начальная школа (1 – 4); неполная средняя школа (5 – 7) и средняя школа (8 – 10). Закон о всеобщем образовании распространялся только на начальную школу. По ее окончании надо было сдавать экзамены. Кто хотел, тот шел учиться дальше; кто не хотел (или родители не хотели), тот устраивался на работу. Поэтому никто не считал ненормальным то, что мой брат и Бася Гофман не ходили в школу: они были старше возраста учеников начальной школы и могли делать, что хотят.

Говоря о том, что наша школа была начальной, я не имела в виду, что в ней были четыре классных комнаты. В маленьких населенных пунктах наподобие нашего поселка не хватало учеников для заполнения целых классов, в каждой возрастной группе было не больше десяти человек – поэтому все ученики начальной школы занимались в одной большой комнате, где их разделяли на «классные группы». Я попала в группу 3-го класса, состоявшую из пяти учеников, из них двое ссыльных – мальчик-латыш и я.

Всем этим конгломератом групп и возрастов руководил один учитель по имени Николай Павлович. Он управлялся со всеми четырьмя классами-группами с подлинной виртуозностью, умел занять каждую группу подходящей для нее работой, успевал проверять письменные работы и объяснять каждой группе новый материал. В смешанном классе царил образцовый порядок.

Он жил в Парабели и каждый день, в любую погоду, проделывал четырехкилометровый путь в Малые Бугры и обратно пешком, неся большой потрепанный портфель с нашими письменными работами.

В первый день занятий Николай Павлович раздал нам подержанные учебники и тетради. О тетрадях он сказал, что запас их в школе невелик, и не исключено, что вскоре нам придется шить самодельные тетради из газетной бумаги. Просил нас экономить бумагу, писать густо и не черкать в них просто так.

Я обратила внимание на то, что в учебнике истории были страницы фотографий, исчерканные рожицами и каракулями так густо, что невозможно было различить первоначальную картину. Были также страницы текста, на которых целые абзацы были вымараны. На мой вопрос, кто и почему так варварски испортил учебники, одна девочка ответила, что на этих страницах были фотографии бывших руководителей партии и командиров армии, оказавшихся врагами народа. «Всякий раз, когда кого-нибудь разоблачают как врага народа, учитель велит нам исчеркать фото и всякое упоминание в тексте о нем», – сказала она.

Все это казалось мне очень странным. Сегодня руководитель, большой человек, о котором пишут в учебниках, а завтра вдруг враг народа? Как это может быть?

В школе была маленькая библиотека. Во время перемены я побежала посмотреть, какие книги там можно взять. К моему разочарованию, в библиотеке имелись в основном книжки для малышей. Мне уже доводилось читать «книжки для взрослых», это было не для меня.

Николай Павлович увидел мое разочарование и обратился ко мне с предложением, поразительным по своей щедрости:

– Сможешь ли ты прийти ко мне домой, в Парабель? У меня большая домашняя библиотека, в ней много книг для молодежи. Ты найдешь там что-нибудь на твой вкус.

Я сказала, что с радостью приду и что у меня есть брат, который тоже любит читать. «Что ж, приходи вместе с ним», – сказал учитель.

В воскресенье, в выходной день, мы с Иосифом побывали у него дома. Кто не бывал в нашем положении, тот затруднится понять, чем было для нас предложение учителя. Его «нормальный» дом, отличавшийся не богатством, а чистотой и порядком, книжные шкафы, открывшиеся перед нами – все это было сном наяву. Жена Николая Павловича предложила нам чаю с печеньем, но мы застеснялись и отказались, хотя и были очень голодны.

Николай Павлович подвел нас к полкам с книгами романтической эпохи. Романы Вальтера Скотта, Майн Рида, Александра Дюма (отца и сына), Виктора Гюго. Мир королей и принцев, отважных рыцарей и прекрасных дам, мир, где «хорошие» борются против «плохих». Мы стояли, ошеломленные, перед этой сокровищницей, не зная, что выбрать: все было так заманчиво... Николай Павлович успокоил нас: «Берите каждый по книжке, а когда прочитаете – придете обменять их. Мой дом будет вашей библиотекой».

В течение зимы мы прочитали много книг этого жанра. В немногие свободные часы, читая романы, мы переносились в другой мир, не имевший никаких точек соприкосновения с нашей реальной жизнью. Для меня этот книжный мир был гораздо реальнее, чем жизнь вокруг нас, казавшаяся кошмаром. Это качество, зародившееся во мне тогда, укоренилось навсегда: жить в мире книг в большей мере, чем в действительном. Мне всегда недоставало простой житейской мудрости, не зависящей от образования.

Мой брат больше любил романы о войнах, типа «Трех мушкетеров». Я же влюбилась в роман Вальтера Скотта «Айвенго». В воображении я была еврейской девушкой Ребеккой, тайно влюбленной в прославленного рыцаря Айвенго и помогающей ему бежать из тюрьмы. Он же влюблен в девушку из знатной семьи, леди Ровену, и не обращает внимания на чувства несчастной Ребекки. Это понятно: ведь она, как когда-то говаривала моя мама, «не принадлежала к его общественному кругу».

Любовь романтическая, вечная, даже безответная – в моих глазах это было самое прекрасное в мире. Думать о любимом, видеть его во сне... Получить от него записку со словами любви, поцелуй... Дальше этого мое воображение не простиралось, этого казалось достаточно, чтобы заполнить целую жизнь.

Мне нужно было придумать себе рыцаря, чтобы влюбиться в него, потому что все девушки в книгах были влюблены, а без любви жизнь ничего не стоит.

В соседней избе жил паренек по имени Степан, лет 13 или 14. Все называли его Степкой. Без его ведома я возвела его в сан рыцаря, в которого влюблена. Толик, сын русских квартирантов в нашей избе, стал моим тайным поверенным и передал Степке первую записку от меня. Затем он принес мне ответ.

Степка по окончании четырех классов начал работать в колхозе. Я выглядывала в окно, ожидая его возвращения с работы.

Надо признать, что наша переписка была весьма жалкой. Степка романов не читал, и его словарный запас был скуден. Он не мог отвечать на мои возвышенные монологи. Во время встреч диалог между нами не получался. Таков был мой «первый роман», плод моего воображения.

Истинная жизнь в те дни была крайне мрачной. Немцы приближались к Москве, все были охвачены тревогой, кроме ссыльных латышек, не скрывавших своей радости.

В один из дней комендатура объявила спецам, ссыльным 1931 года, что им присваивается статус свободных граждан. Это, впрочем, не означало, что они получают паспорта и смогут уехать, куда захотят. Колхозники не имели паспортов и были фактически прикреплены к колхозной земле, как крепостные к помещицкой в царское время.

Освобождение не вызвало большой радости среди спецов. Они знали, что за «щедрым» актом властей стоит одно намерение: призвать их в армию. Именно это и случилось: не успели

просохнуть чернила на их новых документах, как большинство мужчин получили повестки о призыве. В боях под Москвой пало много бойцов, но кто станет считать жертвы, когда на чаше весов лежит судьба столицы!

Сибиряки были последней надеждой командования фронта: других резервов не было. Они не прошли даже минимального военного обучения и сразу были брошены на самый трудный отрезок фронта. Зачем их обучать, они ведь прирожденные охотники, да и мороз им не страшен! Это совершенно не соответствовало истине, сибиряки не менее уязвимы, чем другие люди, но Сталин, верховный главнокомандующий, вообще не принимал в расчет потери среди солдат.

Многие современные историки считают, что Москва выстояла главным образом благодаря сибирякам, которые сражались как львы, без артиллерийского подкрепления и прикрытия с воздуха. Большинство их пало в этих боях. Они были похоронены в братских могилах, в мерзлой земле под Москвой, без имен, без памятных примет, даже без крестов.

Ни один из мужчин поселка, мобилизованных в то время, не вернулся целым и невредимым. Вернулись только несколько инвалидов, а большая часть не вернулась вообще.

Оба брата Дороховы, Иван и Петр, хозяева «нашей» избы, были призваны сразу после «освобождения». Иван не вернулся. Петр вернулся несколько лет спустя, после ранения. Из хозяев осталась в поселке только их сестра Матрена.

После поражения немцев под Москвой настроение в поселке немного улучшилось; латышки же опустили носы. С началом весны в поселок начали прибывать по почте «похоронки» – сообщения о гибели близких. По выражению лица почтальона, приносившего почту из Парабели, можно было узнать, несет ли он в своей сумке новые «похоронки». Он обязан был передавать эти документы с черной вестью лично вдовам и матерям и получать от них расписку о вручении. После его ухода в доме несчастной собирались соседки, женщины голосили хором, плач и поминальные напевы разносились далеко вдоль улицы.

В первые месяцы войны много солдат, иногда целые дивизии, попали в плен. Но в большинстве случаев семьи не получали никакого извещения об этом – ни о том, что жив, ни о том, что погиб.

Не помню, во что я была одета в ту первую сибирскую зиму, но уж наверняка не в ту одежду и обувь, которую мы привезли из Риги: она совершенно не подходила для сурового сибирского климата. Видимо, мама как-то достала для всех нас старые валенки, по-здешнему пимы; без пимов человек мог отморозить и потерять пальцы ног и в тяжелых случаях даже ступни. Местные колхозники объяснили ей, как это опасно.

Типичной зимней одеждой людей поселка была фуфайка – стеганная на вате телогрейка. У большей части колхозников фуфайки были потрепанные, покрытые заплатами всевозможных цветов. У кого была новая, тот считался нарядно одетым.

Мама говаривала со смехом, что она купит у людей поселка самую залатанную фуфайку, когда настанет день возвращения в Ригу: покажет своим сестрам, как одеваются люди в Сибири.

Глава 10. Операция «Папа»

Среди ссыльных «нашей волны» были люди находчивые, умеющие выведать вещи, которые власти хранят в тайне. Однажды к ссыльным нашего района откуда-то прибыли списки лагерей, в которых, по предположению, содержатся мужчины из прибалтийских республик. Это были упорядоченные списки, с адресами и номерами лагерей. Кто добыл эти адреса? Кто постарался распространить списки по всем деревням, где проживают ссыльнопоселенцы? Мы не знали этого, и хорошо, что не знали: когда слишком много людей посвящены в тайну, она может дойти и до НКВД. Эти люди, имена которых остались неизвестными, рисковали жизнью.

Мы получили указания, как пользоваться списками. «Не надо посылать запросов начальству лагерей, никто вам не ответит. Надо писать во все лагеря письма на имя вашего родственника. Если адресата в лагере нет, письмо просто выбросят. Если же он находится там, то есть шанс, что ему передадут письмо, и таким образом вы его найдете». Желательно, чтобы письма писали дети: это смягчает сердца цензоров, проверяющих письма.

Казалось бы, простая задача, но откуда взять бумагу? Конвертов тоже не было, но Иосиф нашел решение: в столярном цехе, где он работал, были большие рулоны коричневой упаковочной бумаги. Был там и клей. Мы сидели вечерами вместе, резали и склеивали бумагу, делали конверты. Но для писем нужна была белая бумага. Я обратилась к Николаю Павловичу с просьбой дать мне несколько тетрадей.

Мы, «большие» (ученики 2 – 4 классов), уже пользовались тетрадями, сшитыми из газетной бумаги, а «настоящие» тетради получали только первоклашки, которые учились писать. Поэтому Николай Павлович был поражен самим фактом обращения к нему с такой просьбой, но когда я объяснила, для какой цели мне нужна бумага, он смягчился и дал мне три тетради из оберегаемого запаса.

С этим драгоценным даром я пришла домой, и мы с Иосифом разрезали листы тетрадей на полоски, на которых могли поместиться несколько строчек. На каждой полоске мы писали одно и то же:

«Дорогой папа, мы счастливы, что нашли тебя! Надеемся, что ты здоров и чувствуешь себя хорошо. У нас все в порядке. Мы проживаем...» – и далее наш адрес. Десятки писем, десятки адресов на конвертах – в конце работы у нас онемели пальцы. Мама, пессимистка по натуре, смотрела на нас скептически и говорила, что мы зря стараемся. Но мы верили, что найдем папу.

Наконец, письма были отправлены. Прошло много времени – недели, возможно, даже месяцы; никаких вестей от папы не поступало. Но однажды, когда мы уже почти потеряли надежду, пришло письмо. Как мы и предполагали, папа находился в одном из лагерей Вятлага – целого города заключенных, расположенного в Кировской области.

Папа писал, что чувствует себя хорошо, работает и имеет право получать одно письмо в месяц. Было ясно, что все письма тщательно проверяются, поэтому нельзя писать о чем-то отрицательном: могут запретить переписку.

Ответное письмо писала мама. С тех пор обмен письмами происходил регулярно. Хотя ничего существенного о нашей и папиной жизни в них не было, они подтверждали одно: он жив и мы живы.

Я рассказала Николаю Павловичу об успехе нашей операции поисков папы, и он был очень рад, тем более что и он внес свою долю в успех. Я была его любимой ученицей, он проявлял ко мне особое отношение. Я не осмеливалась спросить, есть ли у него дети. В доме в Парабели жили только он и его жена. Может быть, его дети живут где-то далеко, и он скучает по ним. Было много тепла в его отношении ко мне и к брату. Мы продолжали посещать его «библиотеку» на протяжении всего учебного года.

Глава 11. Будни нашей жизни

Не помню, откуда в избе брались дрова для отопления. В зимние дни ежедневно топили плиту и время от времени русскую печь. Отопление было экономным, в избе всегда было холодно. Я научилась одеваться под одеялом – не только из-за холода, но и потому, что вокруг всегда были люди.

Зубная паста или порошок исчезли с полок магазинов вместе с другими предметами первой необходимости, поэтому никто не чистил зубы. В передней избе, на стене возле входной двери, был укреплен умывальник, где можно было помыть лицо и руки. Его надо было наполнять водой. Под ним стояла табуретка и на ней таз, в который стекала вода от умывания.

Мыло можно было купить в пустых государственных магазинах: власти заботились об обеспечении населения мылом, так как опасались вспышки эпидемий. Имеется в виду не туалетное мыло, а грубое, хозяйственное. Оно продавалось большими кубиками и в лучшие времена предназначалось только для стирки. Теперь оно служило для всех нужд.

Для стирки использовались корыто и стиральная доска. Стирали обычно в холодной воде: ведь в избе велась постоянная война за место для чугунок с супом на плите, кто же даст место для нагрева воды? Кто настаивал, тому надо было приносить свои дрова, не из общего запаса, и специально топить плиту.

А полоскание? Для него требуется много воды. Было два вида хозяйственных работ, которые умели делать местные крестьянки, а мы, ссыльные, не могли; одной из них было полоскание белья зимой в проруби – той самой, из которой бралась питьевая вода. Колхозницы говорили, что вода в речке не стоит на месте, поэтому мыльная вода от полоскания уносится течением, и через несколько минут вода в проруби опять чистая.

Но не забота о чистоте воды мешала нам полоскать белье в проруби. Ведь для этого надо было снимать рукавицы, опускать каждую вещь в ледяную воду, полоскать ее и выжимать – и все это в морозную погоду, когда руки без рукавиц замерзают даже без соприкосновения с ледяной водой. Наши руки не выдерживали этот нечеловеческий холод. Надо быть коренной сибирячкой, чтобы делать это.

Вначале мама еще пыталась время от времени устраивать стирку, но это требовало таких тяжелых усилий, что ей пришлось отказаться от этого. Она была ослаблена тяжелой работой и постоянным голодом и не выдерживала дополнительных нагрузок.

Второй вид работы, которую мы не в состоянии были выполнять – это топка «черной бани».

Несколько более зажиточных семей в поселке имели на своих приусадебных участках «черные бани». Хозяева разрешали всем соседям пользоваться ими, при условии, что те сами будут их топить и приносить воду для нагревания.

«Черная баня» – это примитивный сруб без окон и без трубы для выхода дыма. Внутри находится особая печка – каменка; она состоит из очага, в который ставится большой чугун, обкладываемый дровами, и наваленной поверх очага груды битых кирпичей. Рядом с каменкой стоит кадка для горячей воды. Когда разжигают огонь в каменке, дверь оставляют открытой, и дым выходит через нее. После того как вода в чугуне нагрелась, нужно входить, прямо в густое облако дыма, переливать горячую воду в кадку, наполнять чугун холодной водой, ставить его в печку и добавлять в нее дрова. Эту операцию надо выполнять несколько раз, пока кадка и чугун не будут наполнены горячей водой, а раскаленные кирпичи каменки при поливе их водой будут с шипением испускать клубы горячего пара. Сибиряки любят париться, лежа на полке и похлестывая себя березовыми вениками.

Может показаться, что это просто – но попробуйте войти в помещение, когда струя дыма бьет вам прямо в лицо! И еще выполнять в нем все нужные действия, когда нечем дышать

и дым застилает глаза! Я однажды попробовала – и выскочила оттуда как пробка. Не могу понять, как местные женщины переносят это.

Бани называются «черными», потому что внутри их все черно от сажи. Предбанников нет. Раздеваться нужно снаружи, там же оставляют одежду – снятую и чистую, сменную – зимой прямо на снегу. Внутри бани нет сухого места, куда можно положить одежду. Мыться надо с осторожностью, не прикасаясь к закопченным стенам.

Поскольку мы не в состоянии были топить «черную баню», возникает вопрос: как же мы мылись? Ответ прост: мы не мылись. Дома мыться было невозможно, там всегда было полно народу. Иногда кто-нибудь из местных говорил маме: «Михайловна, мы топили баню, там осталось немного горячей воды. Бери девочку и беги, пока мороз не выстудил баню!» Так нам доставалась «дармовая» помывка. Но такое случалось редко.

Ясно, что мы были очень грязны. Местные жители тоже не отличались чистоплотностью. Представьте себе людей, которые месяцами не моются, не меняют белье и постель (выше я объясняла, что у мамы не было сил заниматься стиркой), спят на мешке, набитом соломой, даже без простыни. У всех завелись вши, а в избе водились и клопы. Особенно много их было в перегородке между передней избой и горницей. Мы давили их, и на перегородке оставались следы в виде красных полосок, которые создавали некое подобие абстрактного рисунка.

Зимой, когда нет полевых работ, у местных женщин было любимое занятие: убивать вшей друг у друга в головах. Это называлось «искаться». Одна приглашала другую: «Приходи, поищемся!» Что искать – это было понятно без слов. Для раздавливания вшей они пользовались кухонным ножом, тем же, которым режут хлеб. Мама была потрясена этим, а они невозмутимо отвечали: «Ну и что, мы же его потом вымоем!» У нас были свои ножи для пользования, но в целом я не стала бы утверждать, что мы были чище их. И мы тоже «искались», но без помощи ножей...

По сей день, когда я стою под душем, мне кажется, что грязь тех времен прилипла к моей коже, и надо сильно тереть губкой, чтобы смыть ее. Это напрасное усилие: она внутри, в памяти, которую не смоешь водой и мылом. Каждый вечер, подходя к моей удобной и чистой кровати, я вижу в воображении ту койку, грязную, с мешком соломы вместо матраца, такую узкую, что мы с мамой могли поворачиваться на другой бок только одновременно. Есть вещи, которые не покидают тебя никогда, становятся частью твоего существа.

Моя покойная подруга Ася Рожанская, она же Бася Гофман, сказала мне однажды, что она не рассказывает знакомым и коллегам о своем сибирском прошлом. Вначале она пыталась, но натолкнулась на непробиваемую стену непонимания и недоверия и отказалась от новых попыток. «Оставь, они, вольняшки, не поймут», – говорила она, и эти слова стали постоянным лейтмотивом в наших разговорах. Возможно, она считала, что в нашем прошлом есть нечто позорное, порочащее ее облик уважаемого человека и учительницы в Израиле.

Война Аси за выживание была несравнимо тяжелее моей. Я избегаю высоких слов, но если в нашей повседневной борьбе за жизнь были элементы героического, то она была воплощением героизма. Мне очень трудно писать о ней в прошедшем времени. Нередко и я думаю, что «вольняшки» не поймут, не поверят или вообще не захотят знать.

Еще одной важной проблемой нашего быта было освещение. В темные зимние вечера без освещения не обойтись. Самым простым светильником была коптилка. Это бутылочка с продырявленной пробкой, которую наполняли керосином. Через дыру в пробке продевали фитиль, один конец которого погружался в керосин, а второй, короткий, торчащий над пробкой, зажигали. Соответственно ее названию, коптилка давала больше копоти, чем света, но потребляла мало керосина.

При этом зыбком и скудном освещении велась вся жизнь в избе. На одном уголке единственного стола в передней избе я готовила домашние задания, в то время как другие делали на остальной площади стола всевозможные работы. Здесь же я читала книги, взятые в «биб-

лиотеке» Николая Павловича. Иногда мы с братом садились на пол возле дверки топящейся плиты: через прорези в дверке проходил свет, и при этом свете мы читали.

Не могу обойти тему, которая всегда доставляла мне массу неприятностей – уборные. Неприятности, начавшиеся по дороге в ссылку, продолжались и здесь. При более «благоустроенных» избах были во дворах уборные, сколоченные из досок, с дверями; но изба Дороховых и в этом отличалась от других. Вместо уборной из досок там был, возле стены коровника, шалаш из веток, с дверью, украденной откуда-то и не вделанной, а просто прислоненной к шаткому шалашу. Под шалашом была выгребная яма, как во всех деревенских уборных; время от времени нужно было ее чистить, когда она наполнялась. Сквозь редкие ветви шалаша можно было видеть сидящего внутри; вдобавок к этому дверь иногда крали – и тогда человек сидел в уборной на виду у всех. Трудно описать, как я страдала от этого. Чаще всего я бегала в лесок, который тянулся вдоль речки, за огородами, но и там не чувствовала себя защищенной от посторонних глаз: лес открыт для всех, и в любую минуту кто-нибудь может случайно пройти мимо.

Все эти неприятности с уборными наградили меня комплексами на всю жизнь. Ввиду этих комплексов мне трудно пользоваться туалетами в чужом месте, даже если там все чисто; особенно трудно мне приходилось во время поездок за границу. Казалось бы, все аккуратно и хорошо, но у меня проблемы. Корень этих проблем уходит в те далекие дни.

Миновала зима, пришла весна – и вместе с ней новые проблемы. Когда накопившийся за зиму снег начал таять, улица превратилась в бурный поток грязной воды. Нужны были высокие сапоги, чтобы добраться до школы или колодца. Даже сапоги не всегда помогали, они были низкого качества и пропускали воду. В некоторых местах, совершенно непроходимых, колхозники бросали на дорогу доски или жерди. Обутые в резиновые сапоги, местные дети с акробатической ловкостью перебирались через ручьи, а когда я боялась потерять равновесие при балансировании на тонкой жерди, всегда протягивали мне руку помощи – без насмешек, добродушно и с шутками. Но ходить в Парабель за хлебом было просто невозможно. Несколько дней мы прожили без хлеба, ждали, когда вода немного спадет.

Сошел снег – и все начало зеленеть. Вместе с возрождением природы появились различные патенты, помогающие выжить. Большая часть того, что можно было продать, была продана в первую зиму, а то немногое, что оставалось, надо было приберегать на следующую зиму. Ничто не свидетельствовало о том, что война скоро кончится – и даже если бы она кончилась, мы не забыли, что сосланы на 20 лет. Поэтому мама решила, что надо постараться пережить лето «на подножном корму», не продавая вещи и не меняя их на продукты.

«Патенты» способов выживания мы получали от местных колхозниц. Согласно одному из них, на полях колхоза, где прошедшим летом был посажен картофель, много картофеля осталось в земле. Можно выкопать эту картошку сейчас. Правда, она мерзлая и после оттаивания превращается в сероватую кашу, но эту кашу можно высушить и растолочь. Получается крахмал, вещество вполне съедобное.

Женщины показали нам также, какие виды трав съедобны – в вареном виде, разумеется. В первую очередь это были лебеда и крапива. Эти травы росли всюду в изобилии. Мы варили из них супы.

Вместо тарелок у нас были чашки из керамики. Мы съедали две чашки супа из трав, в лучшем случае с добавлением муки или крахмала, три раза в день. Это не насыщало, но давало ощущение «полного желудка».

В середине лета, когда все уже росло на полях, мы, «шайки» детей, ссыльные и местные, совершали набеги на колхозные поля. Там мы ели (и крали) все, что попадалось: полужелтый горох, зерна пшеницы и овса, репу и турнепс. Мы ели зеленый лук, от него жгло во рту; мы делали передышку и снова ели. Колхозники знали о наших набегах, но относились к ним снисходительно: либо потому, что сохранность колхозного добра их мало волновала, либо потому, что сочувствовали голодным детям.

Мама, понятно, в наших набегах не участвовала, поэтому я старалась приносить ей что-нибудь из «добычи»: горох, зерна, лук, что попадалось.

В тайге и в перелесках возле полей тоже можно было кое-чем поживиться. Мы, группы детей, ходили в лес собирать грибы, я узнала ягодные места и приносила домой голубику, смородину и малину. Мы собирали кедровые шишки и вынимали из них орешки, это был настоящий деликатес. Насытиться этим невозможно, но мы чувствовали себя лучше.

Летом было легче и с вопросами личной гигиены: в лесу, за огородами, протекала небольшая речка, там можно было купаться и даже кое-что постирать, не таская воду ведрами домой.

Мой брат Иосиф устроился в Парабели сравнительно неплохо. Еще зимой он получил от начальства разрешение оставаться ночевать в цехе, чтобы не ходить в лютые морозы каждый день в поселок и обратно. Неподалеку от артели, где он работал, находилась большая пекарня. Девушки, работавшие в ней, опекали его. Правда, он был еще подростком, но когда все мужики и парни в армии, и подросток может сойти за мужчину. Работницы пекарни давали ему хлеб и даже приносили кушанья из дому.

Так прошло лето 1942 года – сравнительно спокойно, без драм. Но приближалась осень, а за ней новая суровая зима...

Глава 12. В избе Физы

Осенью наша семья переселилась в другую избу. У нового места жительства был ряд преимуществ, но были и недостатки.

Хозяйка избы Анфиза, или сокращенно Физа, была одной из жен «активистов» – мужчин, которых забрали в 1937 году. Как и остальные, ее муж не вернулся, и она осталась с двумя маленькими дочками. Высокая статная женщина, она понравилась заведующему молочно-товарной фермой колхоза, и тот устроил ее на хорошую работу – на ферму, расположенную далеко от поселка, на другом берегу Оби. Летом колхозные коровы свободно паслись там, на бескрайних заливных лугах, а колхозники заготавливали сено на зиму. Это было удобное место для скота и для доярок: были жилые помещения, можно было пить молоко в неограниченном количестве и даже делать сметану и масло для себя и детей, поэтому работницы фермы не знали голода. Все женщины поселка им завидовали, но за свою сытую жизнь работницы фермы расплачивались дорогой ценой.

Физа вместе с девочками проводила на ферме большую часть года и редко бывала дома. Но этой осенью старшая девочка должна была пойти в первый класс, и Физа нуждалась в ком-то, кто жил бы в избе и заботился о ней. Она обратилась к маме и предложила перебраться в ее избу.

В избе Физы не было горницы, только одна комната, довольно просторная. Огромное преимущество – мы были там одни с маленькой девочкой по имени Люба. Фактически мы были там хозяевами, за исключением дней, когда Физа приезжала с фермы. Она привозила продукты для Любы, в основном молочные, иногда давала и нам литр замороженного молока. Затем она брала на колхозной конюшне лошадь и ехала в лес за дровами. Эта женщина не знала, что такое усталость, мы никогда не видели ее отдыхающей. Кроме привозки дров, у нее всегда были другие дела в поселке, дома она почти никогда не сидела. Для нас это было огромным облегчением после тесноты и суматохи, царившей в избе Дороховых. Физа даже предложила нам весной посадить картошку на части ее огорода – на задах, возле леса. У нее был большой огород, часть его она не использовала.

Главным недостатком было значительное расстояние от колодца. Изба находилась на окраине поселка. Не то чтобы это было очень далеко от центра, но для нас, голодных и слабых, километр был большим расстоянием. Жители околицы брали воду не из колодца в центре, а из речки. Это тоже не очень близко, надо было пересечь огород и полоску леса. Я была уже большая девочка десяти с половиной лет и могла носить воду на коромысле. На речку за водой я ходила дважды в день. Четыре ведра воды на четверых, если считать Иосифа и Любу – это очень мало, но ходить на речку больше двух раз мне было тяжело. Экономя воду, мы не могли улучшить коренным образом свою личную гигиену. Чистота требует воды, много воды, а кто в силах притащить ее?

Другой недостаток, с которым мы столкнулись зимой: неисправность в дымоходе плиты. Можно было топить плиту, не открывая выюшку – воздух свободно проходил. Поэтому тепло в избе не держалось, по утрам температура падала ниже нуля.

Зима 1942-43 года была очень тяжелой – возможно, самой тяжелой за время войны. У нас оставалось очень мало вещей для продажи; запас картошки, который мы сумели создать осенью, был слишком мал, чтобы дотянуть до лета даже при строжайшем режиме экономии. Две картофелины на чугунок супа – такова была норма. Мы добавляли немного квашеной капусты – из того количества, которое мама получила от колхоза в качестве «расчета» за работу летом. Называть это варево супом можно было только при богатом воображении.

Если не считать эти повседневные трудности, наша жизнь в избе Физы проходила без особых происшествий. Мне запомнилась только одна ночь, когда я видела маму в страхе и в слезах.

Накануне вечером Физа неожиданно приехала с фермы. Обычно она приезжала по утрам. На сей раз она была не такой деятельной и энергичной, как всегда. Желтоватая бледность покрывала ее лицо. Обе девочки были на ферме.

Физа села рядом с мамой и о чем-то долго перешептывалась с ней. Мама возражала, плакала и твердила: «Не могу, не могу! Я боюсь!»

Наступила ночь, я уже была в кровати, но мама не легла, как обычно. Она привязала к изголовью кровати кусок ткани, чтобы мне не видно было, что делается в комнате, велела мне повернуться лицом к стене, спать и не подглядывать.

Понятно, что уснуть я не могла. Я не подглядывала, но слышала все. Насколько мне удалось понять из перешептывания женщин, Физа была беременна и готовилась сделать что-то, чтобы выйти из этого состояния. Я уже знала, что это называется «аборт» (в деревне дети рано узнают такие вещи). Она требовала, чтобы мама помогла ей.

Выше я намекала на ту дорогую цену, которой расплачивались работницы фермы за свою сытую жизнь. Заведующий фермой, один из немногих мужчин, не призванных в армию ввиду своей важной роли в колхозе, превратил ферму в свой частный гарем. Он жил со всеми доярками, нередко на глазах у их маленьких детей. Все они периодически беременели, некоторые делали аборты в домашних условиях и рисковали жизнью, другие рожали детей, к которым их отец не проявлял ни малейшего интереса. Старшая сестра одной из моих подруг, доярка, пыталась сделать себе аборт без чьей-либо помощи, не сумела и родила девочку с телесными повреждениями, оставила ее на попечении матери и вернулась на ферму. Я знала об этом от своей подруги и видела девочку: она не улыбалась, не сидела, не развивалась подобно другим младенцам.

Теперь Физа готовилась сделать то же самое, да еще с помощью мамы. Они растопили плату, вскипятили чугунок воды, Физа помылась, а мама обдала кипятком резиновую спринцовку, единственный медицинский инструмент для предстоящей операции. Затем они вместе приготовили раствор йода в воде, споря о крепости раствора. Физа хотела сделать очень крепкий раствор, с большим количеством йода, а мама опасалась, что она обожжет себе внутренние органы. Потом Физа легла на койку Любы, стала делать манипуляции со спринцовкой, не сумела направить раствор йода в нужное место, начала кричать и извиваться от боли и попросила маму помочь ей.

Я не видела, что делала мама, но слышала плач, стоны и крики и дрожала от страха. Весь этот ужас продолжался долго, я думала, что ему не будет конца. Под утро у Физы началось сильное кровотечение. Мама умоляла ее обратиться в районную больницу, но она отказалась и сказала, что перенесет это.

Сильный организм Физы действительно справился, на третий день она почувствовала себя лучше и вернулась на ферму. Я слышала, как мама перед ее отъездом спросила: «Ну, что теперь – все начнется снова?» Физа пожала плечами: «Что делать – видимо, такова моя судьба».

Ни одна из работниц фермы даже не помышляла о том, чтобы пожаловаться на человека, причиняющего ей такие страдания. Им не были знакомы такие слова, как «сексуальные домогательства» или «изнасилование». Как и Физа, они видели в том, что с ними происходит, приговор судьбы.

Глава 13. Прекрасная Елена

Осенью 1942 года наше положение было крайне тяжелым. Мы не верили, что переживем надвигающуюся зиму: наших ресурсов просто не хватит. Кроме скудного хлебного пайка, у нас не было почти ничего. Мама решила, что в школу мне ходить незачем. Нет одежды, нет обуви; если уж нам суждено умереть с голоду, то какая разница, кончила ли я три класса или четыре.

Я не спорила. Николая Павловича перевели в другой поселок, а без него школа казалась мне пустой. На мне лежала масса обязанностей: приносить воду, пилить и колоть дрова, привезенные Физой из леса, складывать их в аккуратные поленницы, чтобы сохли. На все это у меня уходило много времени и сил, ведь я была всего лишь тощая и бледная девочка десяти с половиной лет. Мама была не намного сильнее меня; некоторые виды домашних работ я умела делать лучше, чем она.

Мы не строили далеко идущих планов. Нашими мерками времени были день, неделя, максимум месяц.

Рассказывала ли я вам о чудесах, случившихся с нами? Их было несколько. Первое чудо пришло к нам в ясный сентябрьский день в образе молодой улыбчивой женщины, скромно и аккуратно одетой, с большой сумкой в руках.

– Меня зовут Елена Андреевна, – представилась она, – я новая учительница. В журнале 4-го класса школы записана ученица по имени Рива Рабинович. Прошло уже пять дней занятий, но она не появилась. Мне сказали, что ее можно найти в этом доме.

– Она не может ходить в школу, – сказала мама. – У нее нет одежды и обуви, и она плохо себя чувствует.

– По закону о всеобщем образовании она обязана учиться, – ответила учительница. – Тем более что она была отличницей в прошлом учебном году.

– Все это правильно, – сказала мама, – но есть обстоятельства, которые сильнее нас. Наши жизни висят на ниточке, которая вот-вот оборвется. Нам сейчас не до образования.

Елена Андреевна, уроженка близлежащего села, не нуждалась в объяснениях, чтобы понять наше положение. Лицо нужды было ей знакомо. После короткой паузы она обратилась ко мне:

– Я знаю, что ты девочка способная и любишь учиться. Давай договоримся: ты будешь заниматься дома. Я буду приходить к тебе два-три раза в неделю, объясню новый материал и дам домашние задания. Согласна ли ты учиться таким образом?

– Конечно, – ответила я. – Буду очень стараться.

– Я оставляю тебе несколько учебников, – сказала она, вынув четыре книжки из своей сумки. – В следующий раз принесу еще. И тетради принесу. Смотри, я отметила, что мы уже прошли. Хочешь, я сяду с тобой и объясню тебе?

– Спасибо, не надо, – сказала я, вся в слезах, – надеюсь, что прочитаю в учебниках и пойму сама.

– И я так думаю, – сказала Елена Андреевна. – Прошу тебя только выполнить упражнения, которые я отметила. Это покажет мне, что ты усвоила материал.

– Постараюсь, – ответила я.

Я прошу тебя, человек, читающий в данный момент эти строки: запомни это имя – Елена Андреевна Куренкова. Незвестная героиня, подобная многим сельским учителям в России, творящим святое дело. Если бы эта благородная женщина не вмешалась в мою судьбу, если бы она не увидела в голодной и одетой в лохмотья девочке полноценного человека, я осталась бы полуграмотной: без свидетельства об окончании начальной школы я нигде не могла бы учиться. Как человек полуграмотный, я могла бы заниматься

только самым простым физическим трудом – но на таком труде я бы долго не выдержала: нет у меня силы и ловкости, нужной для этого. Лишь позже я поняла, что она по сути дела спасла мою жизнь. Неизвестный солдат на фронте народного образования – кто воздвигнет тебе памятник? Кто положит цветы у его подножья?

На протяжении всего учебного года Елена Андреевна приходила в нашу холодную и грязную избу два раза в неделю, проверяла мои работы и давала контрольные задания. В конце учебного года, накануне экзаменов, она сказала мне:

– На экзамены ты должна явиться, я не могу устроить тебе экзамены на дому, к нам пришлют инспектора из районо. Обещаешь прийти?

– Постараюсь, – ответила я.

При окончании начальной школы нужно было сдать четыре экзамена. В день перед первым экзаменом я притащила с речки несколько ведер воды сверх обычной нормы, вымылась и постирала свою одежду, чтобы выглядеть прилично, насколько возможно. Экзамены были легкими, я сдала их все с оценкой «отлично».

Вопреки мрачным прогнозам мы пережили эту зиму. Медаль за доблесть в войне за выживание по праву причитается маме, сумевшей дотянуть то небольшое, что у нас было, до лета. А летом, как известно, можно пропитаться травой, подобно коровам, и мелкими кражами с колхозных полей.

Я частенько сердилась на маму за ее скупость, думала, что она перегибает палку. Но трагическая история Сигрид показала, что пережить зиму – это дело вовсе не гарантированное, что может быть и иначе.

Сигрид, молодая и немного избалованная девушка из богатой латышской семьи, рано потеряла мать и была выслана вместе с отцом. Когда отца увели из вагона вместе с другими мужчинами, она осталась одна и растерялась. У нее был большой багаж, много ценных вещей, которые могли обеспечить ей пропитание на несколько лет. Но страх и одиночество сломили ее. Она подружилась с другой одинокой женщиной, старше ее, и они поселились вместе. У той женщины не было ничего, и она использовала Сигрид, девушку наивную и добродушную. «Подруга» убедила Сигрид, что нет смысла экономить, «немцы скоро покончат с русскими, и мы вернемся домой». Сигрид была полностью под ее влиянием, та распоряжалась ее имуществом как своим. Они покупали дорогие продукты, ни в чем себе не отказывали.

Года через полтора пиршество закончилось. Когда «подруга» увидела, что от багажа Сигрид ничего не осталось, она решила бежать. Тайком от Сигрид она пошла к коменданту и попросила перевести ее в другую деревню. Ее внезапное исчезновение оставило Сигрид одинокой и обобранной до нитки.

Несчастливая девушка не знала, что делать, и быстро скатилась до отчаянного положения. Не скажу, что наше положение было хорошим, но Сигрид буквально потеряла человеческий облик. Она ничего не могла делать, вся покрылась вшами, и хозяйка избы, где она проживала, выгнала ее на улицу.

Она стучалась во все двери, но никто не хотел впустить ее. Помню ту ночь, когда она пришла к нам. Вид ее был ужасен: растрепанные волосы, серые от вшей, безумный взгляд, оборванная одежда, тоже покрытая слоем ползавших по ней вшей.

В ту ночь наша хозяйка Физа была дома. Сигрид умоляла разрешить ей посидеть возле двери до утра, но Физа и слышать об этом не хотела и выгнала ее. Сигрид умерла где-то в снегу, даже похорон не удостоилась. Ей было 23 года.

Правду говоря, жители поселка не могли спасти ее, даже если бы хотели. Она нуждалась в общей медицинской помощи, в том числе психиатрической, в основательной санитарной обработке и смене всей ее одежды. Кто мог оказать ей такую помощь?

Сигрид была первой жертвой среди ссыльных в нашем поселке. Были смертные случаи и в других деревнях района. Трагическая судьба постигла семью Гофман, покинувшую избу Дороховых и переселившуюся в другой поселок, где якобы были лучшие условия: родители заразились сыпным тифом и умерли. Старшая сестра Муся умерла от чахотки. Бася, девочка 14 лет, похоронила их, осталась с маленькой сестренкой Розой и вынуждена была временно отдать ее в детдом.

Работая над этой книгой, я намеревалась расспросить ее о том, что было с ними дальше, она обещала рассказать мне подробности, но нарушила свое обещание и умерла... Большой отрезок жизни обеих сестер, с которыми мы когда-то делили одну избу, остался для меня неизвестным. Но я знаю результат: обе получили образование, после освобождения из ссылки вернулись в Кишинев, Бася работала преподавательницей литературы, вышла замуж, и ее стали называть Асей Рожанской. Так ее и в Израиле называли все русскоязычные репатрианты, и я в том числе. Ради приезда в Израиль она развелась с мужем, который не хотел ехать. Обе сестры, Ася и Роза, работали здесь учительницами младших классов. Коллеги называли ее настоящим именем – Батя (так произносится на иврите имя Бася).

Даже когда она вышла на пенсию, встретиться и поговорить с ней было нелегко: она всегда торопилась на какое-нибудь добровольное мероприятие помощи новым репатриантам или на вспомогательные уроки в школе, где проработала много лет. Ася, ты хотела помочь всем – кто помогал тебе в те тяжелые дни, когда ты стояла у могил твоих близких?

Глава 14. Его голубые глаза

Осень 1943 года. Физа чистила погреб накануне засыпки картошки нового урожая и обнаружила на дне много мелких дряблых картофелин. Она не хотела возиться с ними и решила нам собрать их. Мы тщательно вымыли эти картофелины и отварили их «в мундирах». Для нас это был праздник. Настоящая еда, не водянистый суп!

Мы с мамой сидели на лавке возле окна и чистили отваренные картофелины. Кто-то прошел по тропе снаружи, под окном.

В ту пору по деревням бродило много нищих. Не глядя и не отрываясь от работы, мама сказала:

– Еще один попрошайка, дай ему несколько картофелин.

Мы в тот день были «богаты» тем, что получили от Физы, и даже могли помочь тому, чье положение хуже нашего.

Но я посмотрела вниз, а проходивший мимо человек посмотрел вверх – на нас. Я увидела знакомые глаза, чистейшей голубизны. Глаза моего отца. Бросившись к двери, я закричала:

– Папа!

Трудно было узнать в этом человеке, похожем на бродягу, моего папу, почтенного и всегда тщательно одетого, каким я его помнила. Мама не узнала его. Но глаза – в них я не могла ошибиться.

– Мэри, – произнес он шепотом и упал возле двери, обессиленный тяготами дороги и нахлынувшим волнением.

Мама стояла над ним, ошеломленная. Не узнала своего мужа, с которым ее разлучили два года назад...

Мы смочили тряпку холодной водой и стали растирать ему виски, пока он не пришел в себя.

– Ты не писал, что тебя собираются освободить, – сказала мама.

– Я не успел, – сказал он, – это произошло неожиданно. Письмо доходит за две недели, а я доехал до вас за неделю.

Он рассказал, что руководство лагерей применяет в последнее время новую тактику. Особые комиссии выявляют заключенных, которые ослабели и не могут больше выполнять тяжелую работу. На них не стоит тратить продукты и лекарства. Их отпускают к семьям: лучше пусть умрут в кругу семьи, чем в лагерьной больнице. Эта процедура досрочного освобождения нетрудоспособных называлась «активированием» – списыванием по акту, подобно тому, как на предприятиях списывают изношенное оборудование.

О жизни в лагере папа рассказал, что заключенные работают в основном на лесозаготовках. Немногие счастливчики, лагерники с большим стажем, работают в мастерских, на уборке лагеря, на кухне и в больнице, но подавляющее большинство – в лесу. Смертность среди заключенных из прибалтийских стран особенно велика, потому что они почти все высокого роста, а организм высокого мужчины требует больше продуктов питания. Им не хватало установленной нормы, они быстро слабели и умирали.

Папе помогло то, что он некурящий. Всем заключенным выдавали маленькое количество махорки, явно недостаточное для курильщиков. Страстные курильщики «покупали» махорку у некурящих в обмен на хлеб. Хлебная норма была невелика, и отказ от части ее обрекал курильщиков на голодную смерть.

Освобождение из лагеря вовсе не означало, что бывший заключенный становится свободным гражданином. Он обязан явиться в комендатуру по месту жительства его семьи и получить удостоверение ссыльнопоселенца.

Здоровье папы было в очень плохом состоянии. У него были незаживающие язвы на теле. Во время сумерек он внезапно терял зрение – явление, называемое «куриной слепотой». Когда ночь вступала в свои права, зрение восстанавливалось.

Папа объяснил нам, что это симптомы пеллагры – третьей, критической стадии истощения, за которой следует только смерть. Если нет необратимых изменений во внутренних органах, то пеллагра излечивается при постепенном переходе на нормальное питание.

Нормальное питание? У нас? Мы с мамой, правда, не дошли до пеллагры, но были, по-видимому, на первой или второй стадии истощения. Теперь нам было не до заботы о себе, надо было собрать все силы для спасения папы.

Мама мобилизовалась на выполнение этой задачи как на военную операцию. Были еще три папиных костюма, которые она до сих пор отказывалась продавать – теперь они были проданы начальникам из Парабели за неплохую цену. На вырученные деньги покупалась специальная еда для папы. Правда, дело не доходило до такой роскоши, как мясо и яйца, но хлеб, молоко и овощи папа получал в количествах, выходявших далеко за рамки нашего «режима питания». Я тоже старалась вносить свой вклад – тащила с колхозных полей все, что возможно.

Колхозницы не слишком заботились о колхозном имуществе: главные свои доходы они извлекали из своих приусадебных участков и содержания домашнего скота. Но от работы на колхозных полях их никто не освобождал; это была всеобщая обязанность. Чтобы получать хоть что-то за эту работу, им приходилось работать очень быстро, стараться выполнить норму. На уборке они работали небрежно, не заботясь о потерях.

Меня интересовали больше всего поля, засаженные картофелем. Метод организованной уборки был таков: по полю гоняли лошадь с плугом, который выворачивал кусты картошки, а за плугом шли женщины и собирали клубни – только те, которые видны на поверхности. Никто не копался в земле, собирали только то, что плуг вывернул наружу. Половина урожая оставалась в земле.

То, что оставалось, было настоящим кладом для нас, ссыльных, не имеющих своих огородов. Чтобы опередить других, я выходила на поля ночью, сразу после «организованной уборки». Мне не было страшно одной в поле: каждая тропинка, каждое дерево были мне знакомы. Проблема заключалась в том, чтобы переправить «добычу» домой. Сколько уж я могла унести в мешке на спине – три ведра картошки, три с половиной, не больше. Часть выкопанного за ночь картофеля я прятала в кустах, в перелесках на краю поля. В дневные часы я приходила за припрятанным кладом, стараясь не попадаться на глаза другим, чтобы мою тайну не раскрыли. Таким путем мне удалось создать неплохой запас картошки – главного продукта нашего питания.

Днем дел тоже хватало. Была у меня подруга, Женя, из соседской избы. Отца у нее не было: он тоже был в числе «активистов», исчезнувших в 1937 году. Женя была моей душевной подругой на протяжении ряда лет. Настоящая сибирячка, сильная и ловкая, как кошка. Вместе мы уходили глубоко в тайгу за кедровыми шишками. Женя взбиралась на дерево, с силой трясла ветки, иногда колотила по ним палкой – сбивала шишки. Я собирала сбитые шишки в мешок. Добычу мы затем делили пополам, хотя вклад Жени в дело был намного больше моего.

Это было довольно-таки опасное занятие, она могла оступиться и упасть с дерева. Кроме того, нас могли схватить объездчики, так как сбивать шишки с кедров было запрещено. Не знаю, что с нами сделали бы, если бы мы попались, но добычу наверняка отняли бы.

Кедровые орешки, извлекаемые из шишек, содержат много питательных веществ, они были важным средством для улучшения здоровья папы.

До поздней осени еще можно было найти смородину в заболоченных лесах возле речки. Ягоды тоже были важным источником витаминов.

Ко всем этим операциям по добыванию чего-нибудь съестного добавляются и текущие работы: натаскать воды с речки, пилить и колоть дрова, мыть пол раз в неделю... Неудивительно, что я совершенно забыла об учебе и чтении книг.

Иосиф тоже старался внести свой вклад: в вечерние часы, после рабочей смены, он сделал для нас хорошую кадку, и мы засолили в ней капусту, запас которой я создала путем набегов на колхозные поля.

На часть денег от продажи костюмов мама купила немного пшеничной муки и каждый день варила из нее кашу на молоке для папы. Мне разрешалось выскребывать из чугунок остатки. Была у меня специальная ложечка для этой цели, от многократного выскребывания она сточилась и искривилась. В течение долгих лет я хранила ее как память о тех годах.

Состояние папы постепенно улучшалось. К счастью, голодание в лагере не успело привести к необратимым изменениям в его внутренних органах. Период его поправки был очень трудным для мамы и для меня, потому что мы почти ничего не оставляли для себя. Удивительно, что мы не заболели пеллагрой. Но наши усилия приносили плоды.

Теперь нужно было достать для папы одежду, принятую в этих местах. В фуфайке, пимах и шапке из меха неопределенного происхождения он выглядел как настоящий колхозник. Поправившись, он опять повеселел, шутил с людьми, и они относились к нему с симпатией. Все называли его дядей Борей.

Папа был не из тех, кто сидит сложа руки. Едва успев поправиться, он сразу занялся поиском работы. В колхозе работать он не хотел: у него была иждивенческая карточка на триста граммов хлеба, и все, что он мог получить за тяжелую работу в колхозе, ограничивалось бы пайком в пятьсот граммов, причем карточку иждивенца отменили бы. В этом не было никакого смысла.

Он часто ходил в Парабель. В райцентре жило немало еврейских семей; с большей частью их папа был знаком еще в Риге. В числе его знакомых был и председатель артели «Металлист», где работал Иосиф. Несмотря на то, что председатель был таким же ссыльным, как все, он считался «сильным человеком» среди местного начальства и помог многим ссыльным найти работу на предприятиях и даже в учреждениях (главным образом в качестве бухгалтеров и счетоводов). Папа встретился с ним, и он пообещал поговорить с начальниками о работе для него.

Поскольку папа славился в прошлом своими способностями в области торговли, ему предложили заведовать магазином по продаже мяса, который власти намеревались открыть. Это был, по замыслу, первый «коммерческий» магазин в районе, сложное явление в советской системе торговли: не частный, так как частное предпринимательство запрещено, но и не совсем государственный. В государственных магазинах отпускали товары только по карточкам, по грошовым ценам; беда в том, что в них не было ничего, кроме хлеба. В «коммерческих» магазинах, тоже принадлежавших государству, продавали товары без карточек, но по высоким ценам. Своего рода «государственная спекуляция». Власти хотели облегчить положение начальства и служащих, чтобы им не нужно было покупать все продукты на базаре, где они еще дороже. Заодно предполагалось использовать прибыль для местных нужд. Простые рабочие, по мнению начальников, не смогут позволить себе делать покупки в «коммерческом» магазине.

Папа согласился взять на себя заведование магазином, хотя в прошлом никогда не занимался торговлей продуктами. Он думал, что советская система торговли подобна той, к которой он привык, и понятия не имел, какие препятствия помешают ему стать советским торговым работником.

Он был назначен заведующим и единственным работником магазина. Товар ему привозили в виде целых туш скота из бойни. Туши взвешивались целиком – это называлось «живым весом», хотя трудно представить себе что-то менее живое. Папа должен был расписываться за

получение определенного количества килограммов в «живом весе». Затем нужно было подготовить товар к продаже.

Любой торговец мясом знает, что не все части мясной туши равноценны, есть дорогие и дешевые, есть кости, ноги и т. п. Но начальники из отдела снабжения не хотели утруждать себя такими «мелочами» и установили единую цену, хотя и допускали определенную степень «гибкости» в процессе продажи.

Папа тяжело трудился несколько дней, рубил целые туши на куски, пригодные для продажи. Когда рубишь, то, как известно, щепки летят. Начальники игнорировали эти неизбежные производственные потери: они были уверены, что продавец, обвешивая покупателей, сумеет не только покрыть потери, но и унести домой приличный кусок мяса. Папа же, верный своим принципам честной торговли, старался собрать все обрезки и крошки в мешочки, чтобы показать начальству в конце месяца, если окажется, что продано меньше мяса, чем было получено.

Настоящие беды начались сразу после открытия магазина. Каждый «кто есть кто» в райцентре пришел посмотреть на диво – первый коммерческий магазин. Большие начальники из райкома и райисполкома приходили с женами, выбирали самые лучшие куски мяса и после того, как товар уже был взвешен и завернут, заявляли: «Сегодня у меня нет денег, принесу после получки, запиши, сколько я должен». Папа был в растерянности, не знал, что делать, ведь продажа в кредит не входила в его полномочия. Он обратился к своему начальству из отдела снабжения, и там ему сказали: «Невозможно отказать такому лицу, как Иван Петрович, первый секретарь райкома!» Таких Иванов Петровичей оказалось довольно-таки много...

Проходили дни, и ни один из высокопоставленных должников не спешил погасить свой долг. Вместо этого они требовали дать им еще мяса. Когда папа робко напоминал им о долге, они говорили: «Ой, совсем забыл! Принесу тебе деньги за обе покупки вместе!»

Прошел месяц, и в конце его оказалось, что папе не только не причитается зарплата, но за ним еще числится долг за недостачу – около пятисот рублей. Это была значительная сумма для людей, не получающих никаких доходов. Было ясно, что папа совершенно лишен качеств, нужных для работы в советской торговле – умения обвешивать покупателей и подкупать начальников. Слово «торговля» в его понимании имело другой смысл – честное посредничество между поставщиком и потребителем, без обмана и «комбинаций». Он отказался от чести называться «директором магазина» и уволился. Так закончилась карьера папы в советской торговой системе.

За весь месяц работы в магазине папа не принес домой ни грамма мяса, ни единой косточки.

Долг в размере пятисот рублей был тяжелым ударом по нашим скудным ресурсам, но не было иного выхода, нужно было уплатить его. Чтобы было понятнее, как семья справилась с этим, расскажу историю об американской помощи.

В первую зиму нашей ссылки мама написала письмо своему брату Якову в США – тому, который гостил у нас летом 1939 года и чуть ли не застрял в Латвии из-за начала второй мировой войны. Единственному ее брату, который был еще в живых.

Кто не жил под советской властью, тот не поймет, какой опасностью была чревата «переписка с границей»: она подводила пишущего под подозрение в шпионаже. Многие советские граждане потеряли связь с зарубежными родственниками, потому что боялись писать им. Мама пошла на этот риск, полагая, что дальше этого места нас уже не вышлют. Получив ответ, она попросила брата о помощи. Нужно было делать это очень осторожно, не жалуясь на трудности жизни и не описывая наше подлинное положение.

Дядя Яков понял, что сестра нуждается, и стал переводить ей двести долларов ежемесячно через центральный банк. Власти не прибегли к санкциям против этой переписки, потому что рады были получать доллары. Беда заключалась в том, что курс обмена долларов на рубли был просто смехотворным: власти установили его произвольно, без всякого учета реальной

ценности валюты. По этому курсу, который держался много лет, доллар стоил шестьдесят копеек; сумма, которую мы получали после обмена, сто двадцать рублей, почти не влияла на наше материальное положение.

Позднее помощь дяди Якова превратилась в важный элемент нашего существования – но об этом речь впереди. Пока же, после короткой торговой карьеры папы, сумма ежемесячной помощи, с добавлением суммы, полученной от продажи папиных часов, пошла на погашение долга.

Глава 15. «Ты очень похож на Рабиновича»

Зима 1943-44 годов была крайне тяжелой – для нас и для всей страны. Было ясно, что война вступила в решающую стадию. За лето немцы укрепили свои позиции; в их руках было более половины европейской части СССР, включая Украину, Белоруссию, прибалтийские республики и северную часть Кавказа. Предполагалось, что летом они возобновят попытку захватить Москву.

Электричества у нас в поселке не было, но были радиопередачи, которые переводились из Парабели по проводам. По мнению властей, без электричества сельские жители могут обойтись, но без пропаганды – никоим образом. Во всех избах были установлены черные «тарелки»; их называли репродукторами. Репродукторы воспроизводили передачи, которые транслировались из Москвы в областной центр Томск, оттуда – по районным центрам, а из них – по мелким населенным пунктам. Новости из Москвы были бодрими по тону. Каждая сводка заканчивалась лозунгом: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Новые песни о войне, появившиеся в то время, волнуют меня по сей день. Несмотря на строжайший контроль над каждым написанным словом, поэты и композиторы военного времени умели создавать песни, зажигающие сердца. Под звуки этих песен я росла и взрослела, с ними смеялась и плакала, они врезались в память навсегда.

У нас в доме царила жестокая нужда. Продолжительное недоедание подтачивало не только тело, но и душу; я не думала ни о чем другом, кроме еды. В голове рождались всякие фантазии. Так, например, я придумала такой сюжет: с саней колхозного обоза, везущего мешки с мукой с мельницы, прямо возле нашей избы сваливается один мешок, а колхозники, сидящие на передних санях, не замечают этого. Я нахожу этот мешок, втаскиваю его в избу, мама варит кашу для всех, и мы наедаемся досыта!

Разумеется, это была лишь фантазия. Зимой невозможно что-то стащить с полей, все покрыто снегом. В конце зимы пришел неминуемый конец всем нашим запасам. Не было продуктов, и нечего было продать. Единственной вещью, которую можно было бы продать, была кожаная куртка Иосифа, но никто из колхозников не хотел ее купить.

Это утро я никогда не забуду. Все мы, за исключением Иосифа, который был на работе в Парабели, лежали в кроватях. Мама, которая всегда вставала первой и затопляла плиту, на этот раз не встала. Незачем было вставать, нечего было варить. Не было сил.

Вдруг послышался стук в дверь. Это было странно, так как в поселке никто не запирает дверей, никто не стучал. Просто входили.

– Войдите! – сказал папа слабым голосом.

Дверь отворилась, и вошли трое не знакомых нам людей. Мужчина, женщина и молодой паренек. Первым заговорил мужчина.

– Мы из села Шонгино. Нам рассказали, что у вас есть кожаная куртка для продажи. Мы хотим купить ее для нашего сына.

Я знала, где находится село Шонгино. Это было село коренных сибиряков, вольных, не ссыльных. Село считалось зажиточным, никто из его жителей не пострадал от репрессий.

Куртка была продана по сказочной цене: за пятнадцать ведер картошки и пятнадцать килограммов пшеничной муки, чистой, без отрубей! Кто мог мечтать о таком богатстве!

Вероятно, странно слышать от меня, материалистки, не признающей никакой мистики, слова о чудесах – но я должна признать, что они случаются. Таким чудом было вмешательство в мою жизнь учительницы Елены Андреевны, спасшей меня от безграмотности. А приход семьи из Шонгино, который спас нас всех – разве это не чудо? С таким запасом продуктов, при экономном расходовании, мы могли дотянуть до лета. Летом же, как известно, можно прожить на подножном корму...

В середине той зимы наступил поворот в положении на фронтах. После долгих месяцев противостояния, начавшегося еще в конце лета, Красная армия перешла в наступление под Сталинградом и сомкнула клещи окружения вокруг немецкой 6-й армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Окруженные (те, что остались в живых), вместе с их командиром, не выдержали голода и холода и сдались в плен. После этого сражения, унесшего миллионы жертв с обеих сторон, немецкая армия не смогла оправиться. Немцы, правда, предприняли отчаянную попытку перейти в наступление в районе Курска, но были отброшены назад и потерпели поражение. После битвы под Курском, считающейся самым большим танковым сражением в истории, стало ясно, что речь идет не о поражении в одном бою, а о повороте в ходе войны. Как долго мы ждали этого поворота! Он был результатом сверхчеловеческих усилий народа, сжавшегося в железный кулак, чтобы нанести врагу смертельный удар.

Не могу завершить разговор об этих событиях без слов преклонения перед советским солдатом. Верховное командование фактически предало его (накануне войны по приказу Сталина были расстреляны почти все военачальники Красной армии). Он страдал от репрессий и «чисток», от голодомора в 30-х годах, от отсутствия малейшего проявления свободы. Немцы рассчитывали на то, что измученный советский солдат восстанет против своих командиров, будет встречать оккупантов с цветами и в массовом порядке перейдет на их сторону. Были, правда, и такие явления, особенно в Украине и прибалтийских республиках, но в масштабах «большой России» они были мизерны. При всем моем критическом отношении к некоторым чертам русского национального характера (пьянство, сквернословие, шовинизм), одно было и остается для этого народа святыней – родина. Это народ, который способен выжить в тяжелейших условиях и всегда будет биться за свою родину, стоящую для него выше обид, разногласий и сведения счетов. Если кончились боеприпасы, солдат будет биться врукопашную, палками и кольями, бросится под вражеский танк с последней гранатой в руках.

Вернемся, однако, к нашим не столь героическим будням. Пришла весна с ее специфическими трудностями, связанными с таянием толстого слоя скопившегося за зиму снега. Период бездорожья может длиться три недели и даже больше. Невозможно ходить на речку за водой: тропинка, ведущая туда, становится непроходимой. Трудности начинаются с образования наста. Днем под лучами весеннего солнца верхний слой снега подтаивает и насыщается водой. Ночные заморозки превращают этот слой в ледяную корку – наст. Идешь по насту – и вдруг он проламывается, и ты погружаешься по пояс в мокрый снег. Если ты к тому же «вооружен» коромыслом с двумя ведрами, полными воды, то это вовсе не забавно.

По мере продвижения процесса таяния снега, даже такой рискованный поход к речке становится невозможным: вся полоса леса, включая тропинку к речке, затопляется водой. Идти к колодцу? Это далеко, к тому же единственная улица поселка тоже мало проходима, многоводные ручьи талой воды пересекают ее во всех направлениях. Местные колхозники подсказали нам выход из положения: пользоваться тающим снегом. Мы сворачивали с дороги на огороды, где лежал нетронутый снег, на вид более или менее чистый. Набирали в ведра снег, смешанный с водой. Вода, полученная таким образом, не прошла бы проверки санинспекции; любой врач сказал бы, что при пользовании ею можно заболеть тифом или дизентерией. Но мы не были столь щепетильны. Все пользовались такой водой.

Когда установилась весенняя погода, папа нашел новую работу – чистку печных труб. После интенсивной топки печей зимой в трубах накапливалась сажа. Женщины боялись взбираться на покатуемую крышу. Так папа стал трубочистом поселка. Он тоже немного боялся, но желание что-то заработать брало верх над страхом. В течение какого-то времени у него было много работы. Платили ему продуктами, единственной доступной колхозникам «валютой».

Колхозницы отчаянно нуждались в деньгах на покупку самых элементарных вещей. Эта нужда в деньгах неожиданно обернулась для папы новым источником заработка. У всех были коровы, все хотели продавать молочные продукты, но с началом полевых работ у них не было

времени для этого. В Парабели, кроме большого базара по воскресеньям, был также маленький ежедневный базар. Женщины обращались к дяде Боре с просьбой брать у них творог, сметану и масло для продажи на малом базаре. Папа с радостью выполнял эти просьбы. Много заработать на этом он не мог, но хотя бы молоко не нужно было покупать.

Человек активный и общительный, папа за короткое время сдружился с постоянными торговцами малого базара и завоевал их симпатии. Даже если нечего было продавать, он приходил туда, лишь бы не сидеть дома без дела.

Что только не продавали на малом базаре – ношеную одежду, стоптанную обувь, пирожки домашней выпечки, мелкую рыбешку, рукавицы из грубой шерстяной пряжи... Население обнищало до такой степени, что на всякий товар находились покупатели.

Однажды на базар пришел новый человек, торговавший махоркой. Завсегдатаи базара быстро признали его своим – и папа тоже, разумеется. Все обращались друг к другу по именам; фамилий никто не знал.

Новичок смотрел на папу с особым вниманием и о чем-то задумывался. Папе это казалось странным, но он не стал задавать вопросы. Однажды новенький сам обратился к нему и сказал:

– Боря, знаешь ли, ты очень похож на человека, который был моим хорошим другом в селе, где я жил раньше.

– Бывает, что между людьми есть сходство, – сказал папа, не придавший его словам особой важности. Но тот продолжал:

– Даже твое произношение, твоя манера говорить... Все в тебе напоминает мне Рабиновича...

Папа посмотрел на него с удивлением.

– О чем ты говоришь? Рабинович – это я!

– Ты Рабинович? – воскликнул его собеседник. – Нет, не может быть. Есть у тебя брат? Как его зовут?

– У меня два брата – вернее сказать, были, теперь я о них ничего не знаю. До войны они жили в Ленинграде, – сказал папа, и его охватило внезапное волнение. – Одного звали Ильей, второго – Абрамом.

После этих слов рыночный знакомый буквально набросился на папу с объятиями и поцелуями.

– Я близкий друг твоего брата, Ильи Романовича Рабиновича! – радостно воскликнул он.

Имя моего деда с отцовской стороны было Реувен. Известен обычай российских евреев – придавать типично еврейским именам «более русскую» форму. В Прибалтике это практиковалось реже. Папа был записан в официальных документах как «Бер Реуменович Рабинович». Его братья, эмигрировавшие из Латвии в Россию в молодом возрасте, избрали, видимо, более удобный для русского уха вариант отчества – Романович.

– Откуда ты знаешь его? Где он живет?

– Не очень далеко отсюда, в селе Сузун Новосибирской области. Он успел эвакуироваться из Ленинграда буквально в последний момент перед началом блокады. Очаровательный человек, умница, у меня с ним были не только дружеские, но и деловые связи. Я не сомневаюсь, что это твой брат. Такое сходство и общая фамилия – это не может быть случайным!

Папа присел на скамейку. Ноги его дрожали.

– Запиши мне его адрес, – сказал он.

– Да нечего тут записывать, – сказал его собеседник, – пиши просто «Новосибирская область, село Сузун, И. Р. Рабиновичу». Там все его знают.

– Просто так, без улицы и номера дома?

– Да, просто так.

Папа вернулся домой в сильном волнении. Теперь и он верил, что речь идет о его брате. Связь между ним и братьями в Советском Союзе прервалась много лет назад, ввиду известного

страха советских граждан перед перепиской с родными из капиталистических стран. Захочет ли его брат возобновить прерванную связь? Как отнесется он, свободный советский гражданин, к тому, что его брат – ссыльный, лишенный гражданских прав?

Мама тоже была взволнована этой новостью. В письме, отправленном на следующий день, папа описал состав семьи, не обмолвился и словом о своем тяжелом положении и просил Илью Романовича рассказать о себе. Все мы с нетерпением ждали ответа.

Ответ от дяди Ильи пришел через две недели. Его теплота и сердечность превосходила все наши ожидания. Он подтвердил, что родился в Риге, и рассказ о его жизни не оставлял никаких сомнений в том, что он действительно младший брат папы и мой дядя.

Мы узнали его как человека широкой души. Он любил хорошую жизнь, но любил также помогать другим людям, особенно родственникам; это было для него делом гордости. Ему не нужны были подробные объяснения, чтобы понять наше положение. Дядя обещал помочь нам всеми возможными путями и посетить нас перед возвращением в Ленинград, к тому времени уже освобожденный от блокады.

Дядя Илья был женат на русской женщине, Марии Федоровне. У них обоих это был второй брак. В Ленинграде они вели обеспеченную жизнь (в сравнении с уровнем жизни большинства населения); дядя мастерски умел обходить запреты властей и сочетать официальную работу с частным бизнесом. Он был в избытке одарен именно теми качествами, которых так не хватало папе во время его кратковременной работы директором магазина. Он работал на предприятии по пошиву меховых шапок – товара, на который был большой спрос. Часть товара сбывалась по официальным каналам, а другая часть оставалась в руках дяди и его компаньонов и сбывалась на частном рынке.

Чтобы у читателя не сложилось мнение, что дядя был просто преступником, расскажу вкратце, как действовала советская экономика. В течение всех лет «диктатуры пролетариата», начиная с 20-х годов и кончая развалом СССР, власти заботились главным образом о быстрой индустриализации, согласно лозунгу: «Догнать и перегнать Америку!» Все ресурсы направлялись либо в тяжелую промышленность, либо на грандиозные проекты – строительство плотин и электростанций, рытье каналов и т. п. Производство товаров потребления считалось лишней тратой ресурсов. Но поскольку миллионы людей не могут жить долгие годы без одежды, обуви и других предметов быта, в стране развилась параллельная экономика. Несмотря на суровые наказания за «экономические преступления», всегда находились люди, готовые идти на риск. Обычно они работали на государственных предприятиях, но параллельно делали еще что-нибудь – иногда в подпольных мастерских, но чаще всего на тех предприятиях, где они работали официально. Никто не считал занятых в параллельной экономике мошенниками или обманщиками, общее мнение гласило: «Если власти не заботятся о наших нуждах, позаботимся о них сами. Молодцы те, кто умеет это делать!» Каждый, кто мог, где-нибудь подрабатывал, чтобы жить чуть-чуть лучше. Широко известно было шутивное ругательство: «Чтоб ты жил только на зарплату!»

По понятным причинам данные об объеме параллельной экономики никогда не публиковались, но специалисты оценивали его в тридцать процентов, а в определенные периоды даже в сорок процентов от валового национального продукта. Резонно задать вопрос: как могла экономическая деятельность в таких масштабах оставаться скрытой от всевидящих глаз «большого брата»? Ответ можно разделить на две части: во-первых, было немало случаев, когда люди попадались и их судили. Во-вторых, по мере развития параллельной экономики она втягивала в себя и тех, кто «наверху», кто обязан контролировать и бороться с ней. Это была живая цепь, ее звенья начинались с рабочего, производящего товар, включали шофера – перевозчика товара, кладовщика и так далее вплоть до начальников, и каждое звено цепи получало свою долю прибыли. Поэтому «никто ничего не видел и не слышал». С точки зрения руково-

дителей государства параллельная экономика даже была полезна: она освобождала их от забот о нуждах населения и нейтрализовала брожение и недовольство.

Дядя Илья жил в Советском Союзе с молодых лет. Он хорошо знал эту систему со всеми ее писаными и неписаными правилами и плавал в ней как рыба в воде. Миллионером он не стал, но жил намного лучше тех, кто вынужден был довольствоваться только зарплатой.

После письма мы получили от дяди Ильи денежный перевод и посылку с одеждой. Предстояла еще одна тяжелая и устрашающая зима. Конец войны был далек, и хотя уже не было опасений, что немцы победят, тыл переживал невыносимые трудности. Годы мобилизации всех ресурсов на нужды фронта довели широкие массы людей, и прежде живших в бедности, до полной нищеты. Что касается нашей семьи, то у нас не было никаких продуктов к зиме, кроме скудного пайка хлеба, отвратительного по качеству, так как в муку подмешивали овес и отруби. Было еще немного картошки, которую мы вырастили на предоставленной нам части огорода Физы.

Несмотря на то, что наша одежда была сплошь покрыта заплатами, мы не могли позволить себе носить вещи, которые прислал дядя Илья. Все было продано, и за счет выручки мы сумели увеличить запас картошки на зиму.

В противоположность дяде Илье, который хорошо знали реалии советской жизни, контакты с дядей Яковом в Америке были сложны. Он не понимал наши намеки, задавал прямые вопросы и хотел получить такие же прямые ответы. Так, например, он просил описать нашу квартиру. Ясно, что мама не могла ответить ему прямо. Она написала так: «Наша квартира похожа на родительскую квартиру, где мы выросли, только на одну комнату меньше». В своем ответе он раскрыл то, что она пыталась скрыть от цензуры: «Но там ведь было всего две комнаты! Ты хочешь сказать, что вы все живете в одной комнате?»

Даже если он это понял, все же картина получилась приукрашенной. В той бедной родительской квартире все же были кухня и ванная с туалетом; в избе, где мы жили, ничего этого не было, изба нам не принадлежала и в ней жила, кроме нас, хозяйская дочка. Попробуй-ка, опиши все это американцу!

Мама пыталась намеками отговорить его от перевода денег, которые ничего не стоили при смехотворном обменном курсе, и просила заменить переводы посылками – например, тканями на мужские костюмы. Это увеличило бы пользу от его помощи во много раз.

В ответ на эти намеки он спросил напрямик: «Что вы можете купить на деньги, которые я посылаю? У нас это приличная сумма, достаточная для содержания семьи!» Как ответить ему, что этих денег (ста двадцати рублей после обмена) не хватает даже на покупку ведра картошки, стоящего двести рублей? Это было абсолютно исключено. Вместо прямого ответа мама придумала историю о знакомом, который привез из Риги много долларов и думал, что он обеспечен, но вскоре увидел, что от этих денег пользы очень мало. У этого мифического человека было несколько костюмов и отрезков на костюмы, и как раз эти вещи очень помогли ему.

Это тоже была опасная версия: цензоры не были глупы и умели расшифровывать намеки лучше, чем наивные американцы. Даже дядя Яков, в конце концов, понял эту прозрачную аллегорию.

Другая сложность была связана с личностью дяди Якова. Он был из тех, кого называют «людьми не от мира сего». В его поступках было много странного. Он не женился, мало общался с людьми, вел образ жизни отшельника.

Мама знала о его странностях. Поэтому она не ожидала, что он будет ходить по магазинам и искать модные вещи, которые свели бы с ума женщин в Парабели. Чтобы упростить ему задачу, она просила ткани – товар простой, не требующий хлопот с выбором цвета или фасона. Но даже эта задача была трудна для него. Он писал позже, что договорился с большим магазином тканей: он будет переводить магазину постоянную сумму денег, а все прочее сделают вла-

дельцы магазина: выберут ткань и поручат своим служащим упаковать и отправить посылку. Так дядя избавил себя от всяких хлопот.

В середине зимы прибыла первая посылка. Продажа ткани не создавала никаких трудностей: не было такого начальника в Парабели, который не горел бы желанием приобрести высококачественную американскую ткань. Ничего подобного ей они никогда не видели!

Глава 16. Маленькая воровка

Благодаря помощи дяди Ильи и дяди Якова мы прожили зиму сравнительно легко. Голодная смерть нам уже не грозила. Это не значит, что мама отказалась от «режима питания», но супы, которые она варила, стали гуще. Меню осталось прежним: по две чашки супа три раза в день.

В ту зиму нам пришлось преодолевать новую трудность – самим добывать дрова. Ввиду недостатка кормов колхоз стал держать меньше лошадей, и Физе не давали лошадь для перевозки дров: все лошади были заняты на колхозных работах. Для нас это был удар, особенно с учетом того, что плита была неисправна и пожирала массу дров.

Почти каждый день мы ходили в лес, который тянулся полосой между огородами и речкой. Там мы с помощью ручной пилы валили березы и сосны, обрубали с них ветви и верхушку и распиливали очищенные стволы на части, которые можно взвалить на плечо и нести домой. В мои обязанности входило также протаптывание дорожки к дереву, выбранному нами в качестве очередной жертвы. Я спрыгивала с натопанной тропинки, погружалась в снег до пояса и продвигалась к дереву шаг за шагом, утаптывая снег. Папа следовал за мной, и мы брались за пилу.

Понятно, что принесенные из леса части стволов нужно было во дворе распиливать на чурки, чурки расколоть на поленья, а поленья складывать в поленницы, кубиками крест-накрест, чтобы сохли. Возня с дровами занимала все наше время в короткие зимние дни.

Мне нравилось бывать в лесу, и я иногда бродила по нему одна, без папы. У моих прогулок по лесу была цель – искать сухую древесину для растопки. Из деревьев, сваленных и распиленных, получаются сырые дрова, спичкой их не разожжешь. Нужно сначала разжечь сильное пламя с помощью сухой растопки, после чего и сырые дрова начинают гореть. Я искала засохшие на корню деревья (их называют сухостоем), ветки, старые пни, которые можно расколоть, и березовую кору. Во время блужданий по лесу я пела во весь голос любимые песни о войне и русские романсы, которые слышала от мамы и по радио. Вокруг все было бело и красиво, как в сказке. Я пела о любви и мечтала о романтических встречах.

Беда в том, что находить растопку становилось все труднее. Сухие ветки скрывались под снегом, к тому же поисками занималась не только я. Мы пытались сушить сырые поленья на горячей плите; в избе распространялся неприятный запах, и мы боялись угореть.

Я давно уже присматривалась к оградкам, отделявшим дворы изб от улицы. Ограды были построены из тонких жердей, которые укладывались между двумя кольями, вбитыми в землю, и держались на сплетениях из тонких мягких веток. Жерди из оград могли послужить прекрасным материалом для растопки, так как ограды были построены давно и древесина высохла. Обычно в ограде было три-четыре ряда жердей, с промежутками, но были и ограды повыше. Я думала, что пять рядов – это просто излишество, верхнюю жердь можно снять. Четырех рядов вполне достаточно, чтобы защитить огород от вторжения чужой скотины.

Я наметила себе все места, где были высокие ограды, и начала осуществлять свой план. Разумеется, это была кража, поэтому я выходила на «операцию» ночью. Свою добычу – сухую жердь – я не оставляла во дворе, где ее могут увидеть, а вносила прямо в избу. Утром мы с папой клали ее на две табуретки и распиливали на короткие части.

Несколько раз мои воровские операции прошли успешно, но через некоторое время колхозники стали замечать, что ограды их дворов становятся ниже. Подозрение, понятно, пало на ссыльных. В одну из ночей, когда я вышла на очередную «операцию», шел снег, и свежие

следы вели прямо к нашей избе. Пожилой человек, один из немногих не призванных в армию, вошел к нам как раз в момент, когда мы занимались распиловкой моей ночной добычи.

Он чуть было не набросился на папу с кулаками, но я встала перед ним и сказала:

– Мой папа ничего не сделал. Это я!

Он посмотрел на меня, двенадцатилетнюю девочку, ростом чуть выше его пояса. Спросил:

– Зачем ты делала это?

– Чтобы было чем растопить плиту. Я искала сухую растопку!

Мне было ужасно стыдно, но отпираться было бессмысленно.

Он стоял передо мной, высокий и сильный мужчина, и не знал, что делать. Руки он на меня не поднял.

– Чтобы это был последний раз, ясно? Попадешься мне еще раз – поколочу, не посмотрю на то, что ты мала! А вы, – обратился он к моим родителям, – как вы могли посылать девочку воровать? Постыдитесь!

Когда он повернулся и вышел, я разрыдалась. Я была уверена, что о моем позоре узнает весь поселок, ведь слухи здесь распространялись мгновенно. Но, к моему удивлению, этот человек никому не рассказал о происшедшем.

Папа сказал слова, запомнившиеся мне навсегда:

– Люди иногда смеются над моим стремлением к личной честности и называют ее наивностью, но в конечном счете честность всегда оправдывается! Никогда не прощу себе, что позволил тебе делать такие вещи!

Лето 1944 года было легким по сравнению с предыдущими. У нас уже был кое-какой опыт, мы не были так беспомощны, как раньше. А главное – папа был с нами! Физа на лето забрала дочку к себе на ферму, и мы были в избе полными хозяевами.

Я вернулась к своим обычным летним занятиям: сбору съедобных трав, различных ягод, грибов, сухих веток. Во дворе был пустой склад, и я старалась наполнить его запасом сухой растопки на зиму. Ко всему этому добавлялись текущие домашние работы: ходить на речку за водой, мыть пол и т. п. Я чувствовала себя большой, ответственной за домашнее хозяйство.

Мама варила супы, вкусные согласно моим тогдашним понятиям: она клала в них больше картошки, немного муки и пол-литра молока. Наши желудки сильно растянулись от больших количеств жидкой пищи. Отрицательные результаты этого сказались позднее, когда уже не нужно было голодать: мы привыкли к ощущению полного желудка и ели слишком много. Это явление известно в медицине: люди, долгое время страдавшие от голода, при переходе на нормальное питание быстро толстеют. Так было с пережившими ленинградскую блокаду: уцелевшие сильно растолстели. Немало узников лагерей смерти умерли после освобождения от перекармливания: их засохшие желудки не могли переварить большое количество пищи. Нужно было переводить их на умеренное питание постепенно, под врачебным надзором; не всем достались такие условия.

Приведу маленький рассказ, сам по себе не столь важный, но способный служить иллюстрацией к сказанному выше.

В число обязанностей, налагаемых на колхозы, входила также обязанность посылать, раз в несколько месяцев, двух человек в сельсовет для работы дежурными в течение трех дней. «Наш» колхоз, когда подошла его очередь, не смог найти свободных людей в горячий период полевых работ. Обычно к этому делу привлекали несовершеннолетних. Вместе с местной девушкой Надей, чуть старше меня, я получила предложение поработать дежурной в сельсовете.

Можно было и отказаться, но предложение сопровождалось соблазнительной приманкой: пятьсот граммов хлеба в день, полтора килограмма за три дня, для меня одной! Вдобавок к обычному пайку! Я не устояла перед соблазном и согласилась.

Утром я получила круглую булку хлеба – целую булку, просто невероятно! Вместе с Надей мы отправились в Парабель, в сельсовет. Днем мы должны были носить разные бумаги в учреждения, а ночью сторожить помещение. Местные власти почему-то решили, что этот жалкий деревянный дом, в котором работали три человека – председатель, его секретарша и уборщица, – нельзя оставлять ночью без охраны. Да в нем и украсть-то было нечего! Пример советской паранойи: властям всюду чудятся враги.

Современный человек, считающий факсы устаревшим видом связи, затруднится понять, зачем нужно лично разносить бумаги. Но в то время не было никаких средств коммуникации, кроме телефона на столе председателя. Сельсовет рассылал всевозможные директивы учреждениям и предприятиям; дежурные получали списки распространения и должны были вручать бумаги начальникам под расписку. Если какого-нибудь начальника не оказывалось на месте, нужно было идти туда еще раз.

Сельсовет, фиктивный орган, якобы властвующий над обширной территорией (фактическую власть осуществляли райком партии и райисполком), состоял из кабинета председателя, маленькой комнатухи для хозяйственных принадлежностей и сеней. Мы с Надей располагались в сенях. Там не было даже стула, только старый письменный стол, на нем мы и сидели в перерывах между поручениями. В одном из ящиков стола я хранила свое сокровище – булку хлеба. Мысль об этом сокровище не оставляла меня ни на минуту.

После каждого похода с бумагами по учреждениям я отламывала себе кусочек хлеба. Один кусочек не утолял голод – напротив, делал его еще острее, и я отламывала еще. Не могла удержаться, хотя и знала, что этого хлеба мне должно хватить на три дня.

К вечеру от моей булки хлеба не осталось даже крошки. Впереди было еще два дня дежурства – вернее, два дня и три ночи. Спали мы на письменных столах председателя и его секретарши, одетые, без всяких постельных принадлежностей.

Следующий день я проработала почти без пищи. Надя дала мне ломтик хлеба и две вареные картофелины, из продуктов, которые она принесла из дому.

Вечером я почувствовала, что не могу больше. Тоска по привычному супу сводила меня с ума. Когда все ушли и мы остались одни, я сказала Наде:

– Отпусти меня домой, поесть что-нибудь. Только поем и вернусь.

– А если кто-нибудь придет проверить?

– Кто будет проверять? Делать им, что ли, нечего?

Надя немного подумала и сказала:

– Иди и не возвращайся ночью. Вернешься утром, раньше, чем председатель приходит на работу.

Я поблагодарила ее и помчалась домой. К семейному ужину я опоздала, и супа для меня не осталось. Мама встала с постели и сварила суп специально для меня. Какое блаженство – ощущение полного желудка после двух чашек супа!

– Что, ты съела всю булку хлеба в один день? – спросила мама.

– Не почувствовала, как съела. Даже в тот день, когда прикончила булку хлеба, я была голодна, как собака.

– Что же ты будешь делать завтра? Дам тебе кусок хлеба и немного картошки, больше нечего дать, – сказала мама.

Никогда не забуду эти дни дежурства в сельсовете. Это были дни такого же острого голода, какой мы терпели в первую сибирскую зиму. Вы скажете: невероятно, что тринадцатилетняя девочка может съесть булку хлеба и остаться голодной! Как тут не вспомнить слова моей покойной подруги: «Оставь, они, вольняшки, не поймут!»

На протяжении целого ряда лет, когда мы уже не голодали, я не знала ощущения сытости. Я смотрела жадными глазами на витрины продуктовых магазинов, когда вернулась в Ригу, мне хотелось проглотить все, что вижу. Растолстела, разумеется, но мне было все равно. Человека,

который долго голодал, никогда не покидает страх, что завтра нечего будет есть. Особое отношение к еде осталось у меня на всю жизнь. Я всегда покупаю больше продуктов, чем нужно. Подсознательный страх управляет моими действиями. Тело сыто – душа остается голодной.

Глава 17. «Дети пойдут в школу!»

Летом 1944 года Красная армия, которую Сталин вдруг переименовал в Советскую армию, освободила почти всю оккупированную немцами территорию и в нескольких местах даже перешла границу. Дядя Илья и тетя Мария готовились к возвращению в Ленинград. Мы были охвачены волнением: они собирались погостить у нас несколько дней, прежде чем покинут Сибирь. Как принять их достойным образом, как приготовить для них кровать с чистым бельем? Какое угощение мы сможем им предложить?

Родители, разумеется, готовы были уступить свою койку гостям и спать на полу. К счастью, у нас было белое полотно, полученное в посылке от дяди Якова. Папа нашел в Парабели швею, которая сшила простыню, пододеяльник и наволочки. Подушки и одеяло были у нас еще из Риги. Что касается продуктов, мы не смогли придумать ничего, кроме яиц, масла, молока и творога.

Как раз накануне прибытия гостей папе предложили постоянную работу в Парабели. Ему предстояло стать... пожарником. Не то чтобы он хоть раз в жизни видел пожар, не говоря уже об умении тушить его – но это не помешало начальству признать его годным для этой работы. Тем более что один пожарник, будь он даже мастером своего дела, не может тушить пожар без нужного оснащения. Но в штатном расписании по району числились должности двух пожарников, поэтому задача начальства – позаботиться, чтобы штаты были заполнены. Один пожарник ушел на пенсию, и папе предложили занять его место.

Пожарная станция, или просто пожарка, как ее называли, была классическим примером фиктивного учреждения. Это был деревянный дом, состоявший из одной комнаты с пристроенной к ней конюшней. В конюшне находилось все «противопожарное оборудование»: лошадь, телега и на ней бочка, которую следовало наполнять водой и выезжать на место пожара. Отличительным признаком пожарки была высокая башня, возвышавшаяся над крышей. На верхушке башни была колокольня, похожая на церковную. Мне думается, что верхушка башни была самой высокой точкой в селе, застроенном в основном одноэтажными домами.

Пожарник был обязан точно в «круглые» часы подниматься на башню и бить в колокол столько раз, сколько показывают часы. Отбивать часы нужно было и днем, и ночью – и заодно обозревать окрестность, проверять, не виден ли где-нибудь огонь или дым. В случае маленького пожара в одном из домов он должен запрячь лошадь и выехать на место с бочкой воды. В случае большого пожара он должен уведомить сельсовет и райисполком, чтобы они приняли нужные меры. Уход за лошадью тоже входил в обязанности пожарника: он должен кормить и поить ее, раз в день выводить на небольшую прогулку и чистить конюшню. Пожарники менялись по сменам, каждая продолжительностью 12 часов.

Так получилось, что папа, только начавший работать, не мог оставить свою смену и идти встречать брата. Пароход должен был прибыть в шесть часов утра, а смена папы заканчивалась в восемь. Мы с мамой направились на пристань до рассвета и стали ждать прибытия парохода. Дело было осенью, по ночам уже подмораживало. Мы сидели на скамеечке, ждали. Было холодно. Мы очень замерзли.

Пароход прибыл на рассвете. Дядю Илью мы сразу узнали по сходству с папой – точнее говоря, с обликом папы до лагеря. Мы подошли к нему, и наш вид потряс его. Мы были босы – дело обычное для лета, все женщины в нашем поселке ходили босиком. Наша изношенная и залатанная одежда поразила его. Он догадался, что мы продали вещи, которые он нам послал.

Он представил нам свою жену Марию Федоровну. Это была женщина приятная, не красавица, но в ее облике было что-то достойное, вызывающее почтение.

Предложение идти пешком в Малые Бугры дяде не понравилось. Он нашел на пристани человека с телегой, и тот согласился отвезти нас всех в поселок за несколько десятков рублей.

Вид «нашей» избы не поразил их, так как они сами прожили три года в сибирском селе, похожем на наш поселок. Они не нуждались, но жили в таких же бытовых условиях.

Мария Федоровна сразу взяла инициативу в свои руки, спросила, где можно купить кур, и начала готовить. Она даже испекла торт с шоколадным кремом – лакомство, о существовании которого я давно забыла. Она была полна энергии, что особенно бросалось в глаза на фоне нашей вялости. Она бросала нам с мамой короткие указания и работала в нашем примитивном кухонном уголке ловко и умело.

Встреча братьев, не видевших друг друга десятки лет, была трогательной. Дядя Илья рассказал, что Абрам, самый младший из братьев, был призван в армию в первые дни войны и погиб на фронте. Его вдова Роза и дочь Берта пережили блокаду. Он помогает им время от времени.

Папа со своей стороны рассказал о лагере, о возвращении оттуда в состоянии пеллагры, об усилиях, которые приложила мама, чтобы поставить его на ноги. Оба брата то плакали, то смеялись. Я смотрела на них как зачарованная.

Пир начался вечером, когда Иосиф вернулся с работы. Мы расселись вокруг стола, который тетя Мария накрыла скатертью – еще одним забытым предметом роскоши! Посуду она достала из их багажа. А блюда – сон наяву! Я могла бы одна уничтожить все стоявшее на столе. От запахов кружилась голова. К счастью, был также суп – он возвращал привычное ощущение полноты желудка, но подавали только по одной тарелке – это так мало...

Дядя и тетя обменивались взглядами, наблюдая, как мы едим. Мы очень старались «вести себя прилично», но есть вещи, которые невозможно скрыть.

Драма началась, когда дядя Илья спросил Иосифа и меня, каковы наши успехи в учебе. Мы смешались, не знали, что сказать. Вместо нас ответила мама:

– Они не учатся. Иосиф работает в артели. Рива закончила третий и четвертый классы здесь в поселке и с тех пор не учится, занимается работами по дому. Ей нечего одеть и обуть, чтобы ходить Парабель, в среднюю школу.

Я заметила, что лысый затылок дяди начал багроветь. Он встал со своего места.

– Что ты пытаешься сказать мне, Мэри? Дети не ходят в школу?

– Да, это так. Иосиф работает в артели, Рива занимается работами по хозяйству. Наше положение не позволяет...

– Вы что, сошли с ума? Что значит «работают»? Они дети! Они должны ходить в школу! Я не хочу слышать никаких отговорок!

Мы сидели, опустив головы. Тетя Мария попыталась успокоить мужа:

– Ты ведь видишь, в каком они положении...

– Никаких положений! Какое будущее вы им готовите? Чернорабочих? Они пойдут в школу, и это так же верно, как то, что мое имя Илья Рабинович!

– Нас не примут, – осмелился Иосиф возразить. – Мы переростки. Мне, например, нужно пойти в 7-й класс – там сидят 13-летние мальчики, а мне уже семнадцать. Рива тоже пропустила два года...

– Этим займусь я. Завтра пойду говорить с директором школы. Пусть только посмеет не принять вас! Я до Кремля дойду – но вы будете учиться в школе!

На следующее утро он пешком пошел в Парабель и встретился с директором Василием Михайловичем Усковым. Гость из Ленинграда произвел на директора сильное впечатление; на это дядя был мастер, он умел держаться как высокопоставленное лицо.

Усков вначале обещал всяческую помощь и стал записывать наши данные, но когда дело дошло до возраста, особенно возраста Иосифа, тон его изменился. Он сказал, что очень сожалеет, но инструкция министерства образования запрещает принимать подростков с таким разрывом в возрасте от остальной массы учеников в классе. Относительно девочки, добавил он,

можно еще пойти на компромисс, но о приеме парня семнадцати лет в седьмой класс не может быть и речи. Он может учиться в вечерней школе для работающей молодежи.

В советской системе образования всегда существовало предубеждение относительно учеников старше общепринятого возраста, по официальной терминологии – переростков. В эту категорию входят обычно школьники, которых несколько раз оставляли на второй год, или хулиганы, отрицательно влияющие на остальных учеников.

Дядя Илья знал обо всем этом. Он объяснил директору, что в данном случае речь идет не о хулиганах и второгодниках, а о детях, которые не учились по причине нужды, детях, пострадавших в результате войны и ссылки. Он показал мое свидетельство об окончании начальной школы и сказал, что речь идет о способных детях, любящих книги и жадных к знаниям. Хулиганство им чуждо. Ваша школа, добавил он, еще будет гордиться ими.

Василий Михайлович отнесся с полным пониманием к его словам и сказал, что он лично за то, чтобы принять в школу обоих, но ему нужно специальное разрешение от председателя райисполкома, иначе его обвинят в нарушении правительственной инструкции.

Дядя Илья тут же направился в райисполком и потребовал, чтобы председатель его принял. В разговоре с ним он даже прибег к угрозам: сказал, что он из Москвы и приближен к центральной власти. Теперь он возвращается туда и сообщит в министерство образования, что в этом районе лишают талантливых детей возможности получить образование.

После недолгого спора дядя вышел из кабинета председателя с нужным разрешением в руках. Он немедленно вернулся в школу и представил разрешение директору Ускову. Нас тут же записали – Иосифа в седьмой класс и меня в пятый.

Василию Михайловичу ни разу не пришлось сожалеть о своем согласии принять нас. С течением времени мы стали его любимыми учениками. Дядя Илья сказал правду: он действительно гордился нами. Мне он запомнился как прекрасный педагог, повлиявший на мою жизнь, как Елена Андреевна несколькими годами раньше.

Моя подружка Женя училась классом выше – в классе 6б, хотя была моложе меня на год. То, что я отстала от нее, раздражало меня.

Число учащихся в классах изменялось в течение лет наподобие пирамиды: широкое основание (несколько пятых классов), затем фигура постепенно сужалась в результате отсева, а до вершины – 10-го класса – добиралась лишь горстка учеников, один неполный класс.

Дядя Илья вернулся в поселок после «операции Школа» в приподнятом настроении, как военачальник, победивший всех своих противников. Мама приняла весть о нашем приеме с несколько кислым видом. По ее мнению, благодаря помощи дяди Ильи и дяди Якова можно обойтись без работы Иосифа, и она была рада, что его приняли. Но от меня как помощницы, делающей тысячу работ по дому, она не хотела отказаться.

В те дни я начала впервые серьезно раздумывать о разнице между отношением мамы к Иосифу и ко мне. Это стало особенно заметно во время пребывания гостей у нас. В то время как все сидели и беседовали с гостями, мама посылала меня наружу для разных работ. Они там смеялись, пили чай и ели печенье, а я в это время полола грядки на огороде или шла на речку за водой. Что бы я ни сделала, никогда не слышала слова поощрения или похвалы. Словно рабочая лошадка, всегда готовая везти груз.

В разговоре с Женей я высказала предположение, что, возможно, я не родная дочь, а удочеренная. Женя отнеслась к моим словам скептически и сказала, что я похожа на своих родителей. Второе мое предположение – что мама испытывает чувство вины перед Иосифом из-за того, что послала его работать в таком раннем возрасте. Но ведь и я делаю множество тяжелых работ, и притом я моложе его на четыре с половиной года!

Даже дядя обратил внимание на странное отношение ко мне и упрекнул маму:

– Почему ты все время прогоняешь ее наружу, пусть посидит с нами!

– Если она будет сидеть с нами, завтра утром у нас не будет воды! – сухо ответила мама. Ей и в голову не приходило, что за водой может сходить кто-нибудь другой.

На семейном совете дядя заявил, что мы должны оставить Малые Бугры и поселиться в Парабели.

– Какой толк от вашей жизни в колхозе? Вы все равно в нем не работаете. Берл работает в Парабели. Средняя школа тоже находится там. В Парабели есть небольшая еврейская община, а здесь вы совсем одни. Я вам помогу, купите домик в Парабели, с огородом, будут у вас свои овощи, и вы не будете так нуждаться!

Эти слова звучали как небесная музыка. Правда, и Парабель – довольно жалкое село, но в то время оно было для меня вершиной желаний. Когда кто-нибудь в поселке говорил «я иду в Парабель», это звучало как «я еду в Москву». Все нужное и хорошее было сконцентрировано там.

Дядя предложил также подумать о покупке коровы. Родители отнеслись к этому с сомнением: придется покупать сено и, кроме того, сдавать государству в виде налога около двухсот литров молока в год. Едва ли это окупится.

– Я советую вам все рассчитать и проверить, оправдывается ли это, – сказал дядя Илья. – В селе Сузун, где мы жили, многие эвакуированные держали коров и говорили, что это решает для них проблему молочных продуктов. Мы не купили, потому что Марии в ее возрасте (около пятидесяти лет) трудно ухаживать за коровой. Мы могли позволить себе покупать молоко, творог и масло, не тратя силы на это.

Три дня они пробыли у нас, и в течение этих дней дядя и тетя проявляли ко мне особое тепло, к какому я вообще не привыкла. За день перед отъездом дядя сказал моим родителям:

– Мы хотели бы взять девочку с собой. Мы растили бы ее как родную дочку. В Ленинграде у нее будут хорошие перспективы на будущее.

Он подошел, погладил меня по волосам и спросил:

– Ты хотела бы уехать с нами?

– Это невозможно! – воскликнула я в замешательстве. – Я ведь не свободна, я записана в комендатуре как ссыльнопоселенка...

– С комендатурой я бы все уладил. Мне известны случаи освобождения детей моложе 16 лет.

Не забуду мечтательное выражение в глазах дяди и тети. У них были взрослые сыновья, давно покинувшие родительский дом, и им хотелось иметь дочку, но они знали, что в их возрасте детей у них уже не будет. Я могла быть для них осуществлением мечты.

Все это звучало очень соблазнительно, но оставить мою семью навсегда? При всех моих обидах на маму я была очень привязана к родителям. Я бросилась к маме и обняла ее. Она спросила:

– Ты хочешь оставить нас?

Я покачала головой отрицательно. Больше никто не возвращался к этой теме.

На следующий день гости отплыли пароходом в Томск, откуда им предстояло ехать поездом на запад, в Ленинград. К нам они приехали с четырьмя чемоданами, а от нас уезжали с одним. Почти все, что у них было, они оставили нам. Мы проводили их до пристани. Ссыльнопоселенцам запрещено подниматься на борт корабля, поэтому мы не могли видеть каюту дяди и тети. Попрощались у причала. Дядя поцеловал меня и обещал:

– Пришлю тебе школьную форму и пальто к зиме. Обувь мы тебе оставили. Я хочу, чтобы ты вошла в школу с поднятой головой, как принцесса.

Я была рада тому, что он не сердится на меня за отказ уехать с ними в Ленинград.

С началом учебного года вся моя жизнь изменилась. Из состояния маленькой женщины, целиком погруженной в заботы о домашнем хозяйстве, я вернулась в свое естественное состояние 13-летней девочки-школьницы. Первого сентября мы оба, Иосиф и я, пошли в Парабель.

Школа была первым домом на краю села. Большое двухэтажное здание, впечатляющее на фоне окружающих домишек. Класс Иосифа, седьмой «б», был на втором этаже, а мой, пятый «г» – на нижнем.

В классе было несколько учеников из нашего поселка, но большинство было мне незнакомо. У всех, кроме меня, были друзья и подруги, с которыми они хотели сидеть за одной партой. Я осталась без пары, и учительница посадила меня за одну парту с рослым рыжеватым пареньком, который тоже был старше остальных и никого в классе не знал. Звали его Иван Золотой. Вначале его фамилия была предметом шуток и насмешек, но так как он не раздражался и лишь добродушно улыбался, насмешки вскоре прекратились.

Мы с ним прекрасно ладили и помогали друг другу. У меня плохое зрение, еще в Риге мне выписали очки. Я стыдилась носить их, и в ту ночь, когда нас выслали, нарочно не взяла их с собой. Теперь, сидя на последней парте, я плохо видела написанное на доске. Мой сосед по парте читал мне то, что я не вижу, а я помогала ему в решении задач по арифметике. Он был украинец, ссыльный, как и я, старательный в ученье, но медлительный. Нужно было слегка подстегивать его.

Дядя Илья сдержал свое обещание и прислал мне, вместе с теплыми вещами для всей семьи, школьную форму, какую носили ученики в больших городах: черное платье с белым воротничком и черный фартук. В нашей школе ни у кого, кроме меня, такой формы не было.

Несмотря на пропущенные годы, в учебе у меня никаких затруднений не было; я всегда первой заканчивала письменные задания. Единственное, что мне мешало, это скука: я не понимала, зачем самые простые вещи надо объяснять несколько раз и потом еще читать дома по учебнику.

Иосифу приходилось труднее: русский язык он учил только один год, в Риге. С тех пор прошло четыре года, и он забыл многое из того, что учил. Он владел русским языком намного хуже меня.

Но он обладал чертой характера, которая помогала преодолевать все трудности: он был необыкновенно старательным, основательным и докапывающимся до корней каждого вопроса. Я, в отличие от него, полагалась на свою способность быстро схватывать и импровизировать. В зубрежке я не нуждалась, знала, что запомню и так.

Седьмой класс был выпускным классом неполной средней школы. Каждый учащийся получил задание написать заключительную работу на избранную им тему. Если все написали обычные сочинения, то мой брат избрал тему, требующую настоящей исследовательской работы: «Неизбежность поражения государств оси в мировой вой не». Это была осень 1944 года, война еще продолжалась. Кто-нибудь другой отделался бы патристическими лозунгами о превосходстве советской армии, но мой брат произвел «глубокую вспашку». Свою работу он построил на тезисе: преимущество союзной коалиции в территории, экономических ресурсах и людской силе над государствами оси. Согласно его тезису, блок государств, обладающих таким решающим перевесом в ресурсах, обязательно победит, даже если он терпел тяжелые поражения в начальном периоде войны.

Он сидел часами в библиотеке, рылся в книгах, которые до него никто не открывал, собирал данные о материальных и людских ресурсах стран-участниц войны, чертил таблицы, графики и диаграммы. Можно сказать без преувеличения, что его работа не уступала по уровню дипломным работам студентов.

Когда она была сдана, о ней заговорили во всем районе. Партийные боссы читали ее. Это была работа ученика, которого директор боялся принять в школу...

Он учился на «отлично» по всем предметам, кроме русского языка и литературы, по которым получил оценку «хорошо». В сочинениях у него всегда бывало несколько грамматических ошибок.

Дядя Илья прислал деньги на покупку дома. В середине зимы папе, благодаря широкому кругу знакомых, удалось найти подходящий дом. Покупка была оформлена, но сразу въехать мы не могли: надо было ждать еще несколько месяцев, пока выедут прежние жильцы.

В течение всего учебного года мы ходили пешком из Малых Бугров в Парабель и обратно, четыре километра в каждый конец. Выходили группами, мальчики и девочки – все те, которые учились в средней школе. Часов ни у кого не было, репродуктор не вещал утром, поэтому мы выходили из дому очень рано, до рассвета. Если ночью шел снег, и никто раньше нас не выезжал из поселка, то дороги не было видно, она скрывалась под слоем свежего снега. Мы протаптывали тропинку поверх наезженной дороги, нащупывали ее ногами, ведь она не была ничем помечена. Кто отклонялся в сторону от дороги, тот проваливался в снег по пояс, в то время как на дороге свежий снег был неглубок, по щиколотки. Местные ребята принимали все это со смехом и забавлялись, кидая друг в друга снежки. Дети ссыльных вели себя более сдержанно.

Поскольку радио не вещало так рано, мы не знали, какова температура воздуха. Важно было знать это, потому что при температуре ниже минус сорока градусов занятия отменялись. В Парабели давали больше часов радиовещания, и проживающие там ученики слышали сообщения об отмене занятий. Как раз ученики из отдаленных поселков, которые больше всех нуждались в этих сообщениях, не могли их слышать. Не раз случалось, что мы приходили в школу в страшнейший мороз и оказывались перед запертой дверью. Не имея возможности обогреться и отдохнуть, надо было сразу отправляться в обратный путь.

Хотя я и была одета так, как требует климат, все же несколько раз обморазивалась. Это случалось в дни, когда температура опускалась до –45 градусов, и мы проделывали путь в Парабель и обратно без остановки.

Обмороженный орган становится белым и теряет чувствительность, поэтому человек не чувствует, что обморозился. Это опаснее всего: если не стараться немедленно растереть и оживить обмороженный орган, то он отмораживается совершенно и при оттаивании может просто отвалиться от тела.

Чаще всего обморазивалось лицо, открытое для мороза и ветра. Можно было закрывать лицо шалью до глаз, но это считалось признаком слабости. Мы старались «держаться фасон» друг перед дружкой, показывать, что не боимся мороза.

В сильные морозы важно ходить группами. Во всех известных случаях, когда люди замерзали насмерть, они были одни. На замерзающего человека нападает сонливость, он вдруг чувствует себя хорошо, только хочет немного отдохнуть. И тогда он ложится – навсегда. В группе ему не дали бы лечь, так как это конец.

Обморазиваешься и не чувствуешь, что это с тобой происходит, но другие в группе видят. Вдруг девочки начинали кричать мне: «Рива, ты обморозила щеки!» Они видели белые пятна на моих щеках. Все сразу собиравались вокруг меня и начинали «лечить»: набирали снегу на варежки и растирали обмороженные места, пока они не приобретут свой естественный цвет. Иногда это не удается, если обморожение слишком глубоко.

После этого уже не до «фасона»; закрываешь обмороженное место шалью и спешишь домой. Дома, в тепле, начинается оттаивание и вместе с ним сильная боль, как при ожоге. Это длится несколько часов. Потом пораженная кожа отшелушивается, до голого мяса, на поверхности которого образуется темно-красная корка. Вид ужасный. Проходит не менее недели, пока корка отваливается и лицо принимает прежний вид. Все это при условии, что обморожение не затронуло более глубокие ткани; в таком случае могут остаться шрамы и даже дыры.

Если не принимать в расчет трудности, причиняемые сибирской зимой, в целом наша жизнь стала легче. Мы уже не страдали от острого голода, как раньше, хотя целый ряд продуктов, наподобие мяса, масла, сахара и яиц, не попадал на наш стол. Хлеб по-прежнему выдавался по карточкам. Можно было держаться, бывали у нас дни и похуже. Все это благодаря дяде

Илье, который произвел настоящий переворот в нашей жизни. Мне трудно даже представить себе, что было бы с нами, если бы тот человек с базара не был знаком с дядей и не встретил папу, в котором узнал его брата. Да и от дяди Якова время от времени прибывали посылки.

Дрова в ту зиму мы уже не таскали из леса на плечах: родители покупали дрова у колхозников, которые имели возможность получить лошадь и хотели немного заработать. Привезенные бревна нужно было пилить и колоть, но это было для нас обычным делом. Много стало привычным, трудности как будто уменьшились.

Мы с нетерпением ждали момента переезда в нашу собственную избу в Парабели. Только с переездом переворот в нашей жизни станет полным. Парабель была вершиной стремлений.

Учеба в школе была легка и приятна. Только с одним предметом я не справлялась – с физкультурой. Я знала, что мне недостает ловкости и координации, что я не прыгну и не пробегу так хорошо, как другие. Не было у меня и физкультурных тапочек. Больше всего я боялась, что надо мной будут смеяться. Если бы не этот страх, я бы, может быть, улучшила свои физические возможности; но я боялась даже пробовать.

Глава 18. Война кончилась!

Конец зимы и начало весны 1945 года были временами хороших вестей. Советская армия шла от успеха к успеху, освободила всю оккупированную немцами территорию и вела военные действия за границей, в соседних странах. Армии союзников продвигались к Германии с запада. Дух победы витал в воздухе.

Даже в самые трудные дни войны в день первого мая в Москве проводился военный парад и после него демонстрация в честь солидарности трудящихся всех стран. Нередко бывало, что люди выходили на праздничные демонстрации под сильным нажимом парторгов с мест работы, но на сей раз ликование было подлинным. Было уже известно, что бои ведутся на улицах Берлина и что красный флаг развевается над рейхстагом – оплотом нацистской власти. Репродукторы в поселке работали чуть ли не круглосуточно, передавая сводки с фронта и патриотическую музыку. Все с нетерпением ждали сообщения об окончании войны.

Сообщения об успехах сил союзников были очень скупы. В последние дни войны союзная коалиция как будто перестала существовать: ее скрепляло существование общего врага, а теперь враг уже был повержен. Изменение отношения к государствам Запада ощущалось во всем, что говорилось по радио и писалось в газетах: поскольку больше не нужно было просить их открыть второй фронт и поставлять снабжение, Советский Союз вернулся к своей сепаратистской политике, согласно которой «западный капитализм – наш враг». Переход от дружбы к вражде получил наглядное отражение в событиях 8-го и 9-го мая.

Весь мир знал, что Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции 8 мая. Весь мир отмечал 8 мая как день победы над Германией. Но Сталин даже победу не хотел праздновать вместе со вчерашними союзниками. Он не послал представителя на церемонию подписания акта о капитуляции и потребовал от немцев, чтобы они подписали акт вторично 9 мая, на отдельной церемонии с участием командующего фронтом маршала Жукова. Советский Союз официально объявил об окончании войны на день позже всего остального мира. Этот факт имел не только формальное значение: Сталин хотел подчеркнуть, что настоящая победа – это только его победа и победа его страны, а роль союзников незначительна. Поэтому он не признал церемонию капитуляции с участием представителей союзников: истинный победитель, Советский Союз, не готов делиться с другими славой победы.

Мы не думали тогда об этих вещах и, правду говоря, мало о них знали. Толпы ликующих людей загрохотали улицы. Все пили водку, а еще чаще самогон: немногочисленные мужчины, которые не были призваны в армию или вернулись инвалидами, и женщины. Общее ликование заглушало плач вдов, которые знали: их прежняя жизнь не вернется, для них война не закончится никогда.

Нам, ссыльным, победа не сулила свободу и возвращение домой. Правда, курсировали слухи о возможной амнистии, но полагали, что она будет распространяться только на уголовных заключенных. И все же мы радовались: наша маленькая семья пережила тяжелые годы войны без людских потерь. Но вся наша родня, оставшаяся в Латвии, была уничтожена. Мы уже знали, что нам не к кому возвращаться: никого из моих любимых дядей и теток и их детей больше нет в живых. Как они погибли, когда, где похоронены – ничего мы не знали. Мой дядя Абрам, младший брат папы, которого я никогда не видела, пал на фронте.

Мама хотела создать праздничную атмосферу в доме и послала меня нарвать цветов, чтобы поставить на стол букет. Я пошла к берегу речки, где были заросли кустов, усыпанных цветами. Особенно хорош был куст сирени; я срезала с него несколько веток. Все вокруг было тихо и удивительно красиво. Мне не хотелось сразу возвращаться домой, и я уселась на замшелый пенек. Вдруг комок в горле перехватил мое дыхание, и безудержное рыдание сотрясло меня всю.

О чем я рыдала? О своем погубленном детстве? О пережитых страданиях? Нет у меня ответа. Знаю только, что долго не могла остановить поток слез. Это был не плач горького отчаяния, а плач облегчения. Прозрачные слезы как будто смывали то отвратительное и грязное, что прилипло ко мне за минувшие четыре года.

Я вернулась домой с большим красивым букетом, вся красная от слез. Никто не обратил на это внимания. Кто вообще обращает на меня внимание? Кто я – травинка, качающаяся на ветру? Пылинка, летящая в воздухе?

Откуда взялось это тяжелое чувство неполноценности? В Риге, до высылки, у меня такого ощущения не было. Расту как ссыльная, лишенная прав, наказанная неизвестно за что режимом, частью которого я хотела стать; знать, что тебя в любой момент могут взять и сослать в другое место... Все это, по-видимому, привило мне ощущение, что сама по себе я ничего не стою, что со мной каждый может сделать все, что угодно. И дома я не чувствовала никакого ободрения, тепла или поддержки. Только приказания: иди туда, принеси то, убери это. «Опять сидишь и бездельничаешь со своей книгой!»

Упрек, который сопровождал меня постоянно до возвращения папы: «Ты вообще не заботишься о будущем!» Это говорилось девочке 9-10 лет. Если я улыбалась или смеялась, тут же получала этот упрек как ушат холодной воды на голову.

Положение брата в доме было совершенно иным. С тех пор, как он перестал работать и начал ходить в школу, для мамы он стал принцем. Я до того даже не предполагала, что в ней таятся такие чувства: ведь всю жизнь она была деловой женщиной, далекой от сентиментальности. Он, разумеется, не ходил за водой на речку и не занимался уборкой («это не мужская работа!»). Когда мы жили уже в Парабели, он не работал на нашем огороде. Иногда помогал пилить дрова во дворе, но большей частью это делали папа и я.

Он быстро привык к своему привилегированному положению и отдалился от меня. Его учеба была священным делом, моя же – чем-то пустяковым и незначительным: «Она быстро схватывает, ей не нужно особое время для занятий!» Даже мои способности превратились в глазах мамы в недостаток.

Обычно я не ждала указаний и сама знала, что должна делать. Должна, должна, должна – с этим словом я выросла, оно стало частью меня. Должна, обязана – эти слова будут последними, которые я забуду, когда завеса вечного забвения опустится надо мной. Даже теперь, на старости лет, я всегда боюсь не успеть сделать все, что нужно, и чувствую себя виноватой, если на что-то не хватило сил.

Только на уроках, в школе, гнетущее чувство оставляло меня. Там я царствовала, была сильнее всех. Жаль, что не весь мир – класс, и не вся жизнь – учеба.

С нетерпением ожидала я переезда в Парабель и начала занятий в 6-м классе. В то лето я уже не ходила добывать пищу на колхозных полях, и дни проходили в томительной скуке. Мы с подружкой Женей искали возможности развеять скуку и немного развлечься. Поселок предлагал молодежи очень мало возможностей для развлечений. Иногда приезжал кинооператор и крутил в клубе какой-нибудь фильм. Вот и все.

Я чувствовала себя уже большой, в начале зимы мне исполнится четырнадцать. После обычных работ по дому какая-то непонятная сила тянула меня на улицу, на встречи со сверстниками.

Молодежь постарше (от семнадцати лет и выше) собиралась вечерами на сходки, которые назывались вечерками. У ограды возле клуба лежало несколько толстых бревен; участники вечерки рассаживались на них группками. Девушек было больше, но появились уже парни молодого поколения, в возрасте 17 – 18 лет, которых не призвали на войну, так как они в 1941 году были еще малолетками. Было также несколько парней, вернувшихся из армии с легкими ранениями. В числе их был Петька Дорохов, один из хозяев избы, в которой мы начинали свою жизнь в поселке Малые Бугры.

Центральной фигурой на вечерке был гармонист, а в последнее время – аккордеонист. Аккордеоны – это были трофеи, привезенные из Германии возвращающимися солдатами. Они вытеснили традиционные гармошки и баяны.

Аккордеонист заводил простую народную мелодию, и под звуки музыки девушки начинали петь частушки – куплеты, сочиняемые тут же на месте. Возникало своего рода соревнование между признанными мастерицами этого жанра. Девушки выражали в частушках чувства любви, ревности, легкой иронии. Я всегда восхищалась умением сельских девушек моментально сочинять простые тексты, веселые, задорные, намекавшие на любовь или на актуальные события в поселке. Я пробовала, у меня это не получалось.

Самым интересным моментом был конец вечерки: парни предлагали девушкам проводить их домой или пойти погулять. Кто к кому подойдет, будет ли предложение принято или отклонено – это было любопытно.

Взрослые девушки были против участия несовершеннолетних в вечерке. Может быть, они видели в нас соперниц. Поэтому мы, группа школьниц, усаживались на некотором расстоянии от арены событий. Мы видели и слышали все, полагая, что на нас никто не обращает внимания.

Велико было мое удивление, когда один из «больших», 24-летний Петька Дорохов, покинул свое место среди взрослых девушек, приблизился к группе подростков и сел рядом со мной. Я была уверена, что он не узнает во мне свою бывшую квартирантку, ведь мне было всего девять лет, когда его призвали в армию. Оказалось, что узнал, и не только узнал, но и был осведомлен в разных фактах моей жизни. Он знал, где я живу; знал также, что учусь в школе и что мы готовимся к переезду в Парабель.

Я тоже знала кое-что о нем. Знала, что он был ранен в плечо и что с тех пор его левая рука слабее правой. Он рассказал мне, что признан инвалидом войны. В колхозе нашли для него легкую работу – заведовать кроличьей фермой. Государству нужен был кроличий мех, поэтому районное начальство приказало колхозу выращивать кроликов.

Я не была избалована вниманием, ни один мальчик в школе не предлагал мне дружить с ним, поэтому приближение Петьки именно ко мне взволновало меня. Подружки, вместе с которыми я пришла, немного отодвинулись, чтобы не мешать нашей беседе.

В конце вечерки Петька вызвался проводить меня домой. Я была очень смущена: в первый раз в жизни я, девочка 13 лет, иду по улице с мужчиной, провожаемая изумленными взглядами взрослых девушек.

Я не питала к нему никаких особых чувств, кроме легкой симпатии. Ведь я была еще девочкой, а детские фантазии о рыцарской любви, вычитанные из книжек, начисто выветрились из моего сознания. И все же не стану отрицать, что ухаживания взрослого мужчины, одного из завидных женихов в поселке, льстили мне. Любопытно, что будет дальше; я понятия не имела, какого, собственно, продолжения ожидаю. Просто было приятно, что кто-то обращает на меня внимание, и не хотелось, чтобы это сразу кончилось.

Оно действительно не кончилось сразу. Петька часто приходил в «наш» конец поселка, проходил мимо нашей избы и свистом вызывал меня. Иногда я бывала занята, иногда выходила на его зов. В таких случаях он уводил меня в какой-нибудь тихий уголок, мы сидели там и он обнимал меня. Это было довольно приятно.

В один из дней Петька предложил мне пойти вместе с ним на ферму, где он покажет мне симпатичных кроликов. Я колебалась, но после коротких размышлений согласилась.

Когда мы пришли на ферму, мне показалось странным, что он запер дверь и положил ключ в карман. Он повел меня вдоль рядов клеток, в которых сидели серые и белые кролики, действительно очень хорошенькие. Нескольких из них я погладила. Не хотелось думать о том, для какой цели их выращивают.

Вдруг Петька встал передо мной, загородив собой клетку с самым красивым кроликом. Меня испугало выражение его лица, странный блеск в его глазах.

Он взял меня за плечи и жестко, почти сурово сказал:

– Теперь ты будешь делать то, что я велю. Если будешь сопротивляться, запрю тебя на ферме, будешь ночевать с кроликами.

Избавлю читателя от описания подробностей того, что произошло дальше. Скажу только, что я не плакала и не кричала. Ничего, кроме боли, я не чувствовала, и когда он спросил, получила ли я удовольствие, мне было непонятно, о чем он говорит.

Как мы расстались, как я добралась домой – странным образом это стерлось из моей памяти. Тому, что произошло, я старалась не придавать особого значения. Родителям я, разумеется, ничего не сказала.

Сегодня я знаю, что это было изнасилование – ведь мне было тогда всего тринадцать лет. В то время я не знала даже такого слова. В поселке принято было говорить о девушках, которые «попались», что они сами виноваты: зачем пошли с парнями в уединенное место? Должны были думать, что может случиться неприятность. Ясно, что мне не следовало идти с Петькой в крольчатник. Мне трудно признаться в этом даже самой себе, но была во мне крупинка любопытства. Неужели в этом выражается любовь, вершина счастья, как пишут в романах? С этой точки зрения меня постигло горькое разочарование. Никакого счастья, просто противно и стыдно. Хорошо, что было темно.

Это происшествие не было для меня тяжелой травмой – во всяком случае, так мне тогда казалось. Ведь меня не тащили силой, не били. Я ощущала даже странную гордость: прошла испытание, которое каждая девушка должна пройти, раньше или позже.

Травма дала себя знать годы спустя. Отрицательное отношение к сексу укоренилось во мне на долгие годы. Я ненавидела свою пробуждающуюся женственность и стыдилась ее. Мне хотелось носить широкую одежду, скрывающую линии тела. По прибытии в Израиль меня поразили открытые разговоры о сексе, публикации о том, что он полезен и что им рекомендуется заниматься даже в пожилом возрасте. Меня смешит мысль, что от такого подхода к сексу и к своему телу я освободилась только в зрелые годы, будучи матерью и даже бабушкой...

У меня не было ни времени, ни желания размышлять об этом незначительном происшествии, так как настал долгожданный день переезда в наш дом в Парабели. Я успела рассказать о случившемся только своей подруге Жене. Она, понятно, поругала меня, но наша дружба не пострадала. К чести ее следует сказать, что она умела хранить тайну.

В ее жизни тоже произошли изменения, поэтому ей было не до моих дел. Ее старший брат Анатолий вернулся из армейского госпиталя инвалидом; ему ампутировали ногу до самого бедра. Он был красивый молодой парень, голубоглазый, с шапкой белокурых кудрей. Если бы не костыли...

Не знаю, платили ли власти какие-то компенсации инвалидам войны. После прибытия Анатолий сразу заявил, что они не останутся на Малых Буграх и переедут в Парабель. Оказалось, что у него есть деньги, и они купили дом неподалеку от нашего. Я очень обрадовалась: переезд не разлучит меня с Женей, мы сможем встречаться в более удобных условиях.

Глава 19. Наш новый дом

Переезд в Парабель был легким: наш багаж состоял из нескольких чемоданов, ящика с кухонными принадлежностями и узлов постельного белья. Мебели у нас не было, но это пустяки. Самое главное – у нас есть дом!

Слово «дом», пожалуй, звучит несколько преувеличенно. Это была однокомнатная изба, в которой левый угол, сразу у входной двери, служил кухней. В отличие от изб на Малых Буграх здесь не было русской печи, только плита для варки. Были большие сени, прочной постройки, даже с окном. Только печки не хватало, чтобы превратить их во вторую жилую комнату. Но в таком случае пришлось бы пристраивать новые сени. Мы не думали об этом, не было у нас сил для таких вещей, мы уже привыкли жить в одной комнате.

Снаружи, вплотную к избе, был пристроен коровник, и рядом с ним уборная из крепких досок – важное для меня обстоятельство. Не думайте, что там был унитаз и сливной бачок – просто выгребная яма, ведь в Парабели не было ни водопровода, ни канализации. Выгребную яму чистили зимой, когда ее содержимое смерзалось в твердую массу и его выдалбливали ломом. Так это делается во всех деревенских уборных.

К избе принадлежал довольно большой огород, который в будущем году обеспечит нас овощами. Все это «поместье» было окружено оградой с калиткой для входа.

Мы неплохо устроились в нашей единственной комнате. Вдоль правой стены стояли две кровати – родителей и брата. У левой стены стоял большой сундук, в который мы сложили всю свою одежду. Ночью он превращался в мою постель; чтобы ее удлинить, к сундуку приставляли табуретку, а вся эта конструкция покрывалась попоной, которую папа принес с пожарной станции. Солгу, если скажу, что это было мягкое и удобное ложе; но бывало и хуже. Я не жаловалась.

В продолжении левой стены, после моего спального места, находилась плита, а за ней – маленький кухонный уголок со столиком и приделанными к стене полками для посуды.

В середине комнаты, между койкой брата и моим сундуком, стоял большой прямоугольный стол, а по обе стороны его – длинные лавки. За этим столом делалось все: домашние задания, еда, прием друзей, всевозможные домашние дела. Электричества не было, но теперь мы позволяли себе пользоваться не коптилкой, а десятилинейной керосиновой лампой. Пол был некрашенный, стены побелены известкой. Что еще нужно человеку для счастья?

Мне и в голову не приходило, что это жалкие жилищные условия: остальные жители села имели такие же избы. Исключение составляли начальники, представители местной власти: они получали казенные квартиры, которые состояли из нескольких комнат.

В Израиле, когда я читаю или слышу разговоры о горькой судьбе жителей бедных кварталов, об их детях, которые ввиду тяжелых условий жизни скатываются к преступности, это вызывает у меня горькую усмешку. Дома в этих кварталах, правда, выглядят несколько запущенными, но квартиры в них в основном трехкомнатные, и нет ни одной квартиры, где не было бы электричества, кранов с текущей водой, туалетов и ванных. В таких условиях нельзя учиться? Мы о таких удобствах не смели даже мечтать.

Мы, мой брат и я, были отличниками в школе вопреки (может быть, благодаря) тяжелым бытовым условиям. Все дети ссыльных, которых я знаю, хорошо учились и получили образование – сначала среднее, а затем и высшее. Режим, который хотел превратить нас в отщепенцев, потерпел поражение: мы победили его благодаря амбициям и силе воли. Никто из ссыльнопоселенцев не скатился к преступности.

Дом, который купила семья моей подруги Жени, отличался от нашего только тем, что кухня в нем была отделена от единственной жилой комнаты. Зато комната у них была меньше, чем у нас.

Вскоре после нашего переезда в Парабель мы купили корову. Нелегко было найти кого-нибудь, кто хотел бы продать: сельские жители очень привязаны к своим домашним животным. Но знакомства папы и тут помогли. Ему рассказали о семье, ищущей покупателя для своей коровы. Эти люди жили в поселке, удаленном от Парабели на восемь километров.

Папа попросил меня сопровождать его. Надо признать, что у нас не было никаких критериев для оценки «товара». Внешне корова выглядела нормально, без телесных повреждений. Владельцы сказали, что она дает в среднем 8 литров молока в день при трехразовом доении и немножко меньше при двухразовом. Мы знали, что таков средний уровень продуктивности местных коров.

Папа упорно торговался и сумел несколько сбить цену. Договорившись, ударили по рукам. По русскому обычаю сделку полагается «обмыть», иначе она будет «неудачной». По этому случаю и мне пришлось глотнуть немного водки впервые в жизни.

Мне было любопытно, что это за штука – водка, которая сводит русских мужиков с ума. Попробовала – вкус острый и неприятный. Я подумала: не странно ли, что самые желанные для множества людей вещи на поверку оказываются просто отвратительными? Может быть, что-то не в порядке со мной?

Папа ненавидел спиртное. Не раз возникали проблемы, которые легко можно было бы решить с помощью бутылки водки, выпитой с каким-нибудь начальником. Папа был неспособен к этому, и иногда это обходилось ему дорого.

Дорога домой была трудной. Один из нас должен был идти впереди коровы и вести ее за собой с помощью веревки, привязанной к рогам, а второй – прутот подгонять ее сзади. Корова не хотела идти с чужими людьми и оставлять привычное место. Она часто останавливалась и отказывалась идти дальше. Мы затратили на дорогу массу времени и добрались до дому около полуночи, еле держась на ногах от усталости. Мама и Иосиф уже спали, когда мы пришли. Папе оставалось для отдыха несколько часов, рано утром ему нужно выходить на смену на пожарной станции.

Утром надо было доить корову. На первую дойку мама пригласила соседку, с которой успела подружиться. Это была немка, мать нашей школьной учительницы немецкого языка, такая же ссыльная, как и мы.

В европейской части России, в Поволжье, существовала до войны немецкая автономная область. Большая группа немцев поселилась в этом районе сотни лет назад – по предположению, во время царствования Петра Первого. Немецкие поселенцы были трудолюбивы; они сумели, невзирая на ограничения, налагаемые властями, построить процветающую область. С началом войны все немецкое население области было выслано в Сибирь и в Казахстан, а сама автономная область упразднена. Сталин опасался, что немцы Поволжья перейдут на сторону врага. Несколько семей ссыльных немцев проживало в Парабели.

Эта женщина, очень славная и симпатичная, научила нас искусству дойки и ухода за коровой. Я быстро научилась доить корову. Сначала, с непривычки, пальцы устают, и если бы сразу надо было доить еще одну корову, это далось бы мне нелегко. Я подумала о колхозных доярках, в том числе о Физе, нашей бывшей хозяйке. Колхозным дояркам нужно было доить утром и вечером 10-15 коров. Нет предела тому, что может вынести русская женщина!

Корове, как и человеку, нужно время, чтобы привыкнуть к новому месту и новым людям. В первые дни она немного брыкалась во время дойки и давала меньше молока. Папа договорился с пастухами, которые каждое утро собирали коров со всей улицы, и они приняли нашу корову в стадо – за плату, разумеется. Вечером надо было выходить за ворота, ждать возвращения стада и забирать ее, чтобы не заблудилась в незнакомом селе. Со временем она привыкла к новому месту, сама подходила к воротам и возвещала о своем прибытии громким мычанием. Мы полюбили ее и называли Маней.

Власти немедленно обложили нас налогом, который официально назывался «государственными закупками» молока. Чтобы оправдать это название, государство платило за «продаваемое» молоко, по смехотворной цене, которую не стоило даже учитывать.

Владельцы коров обязаны «продавать» государству двести литров молока жирностью 4,4%. Определяющий критерий – это количество жира в «проданном» молоке. Беда в том, что ни одна корова не дает молоко с таким высоким процентом жирности. Власти делали расчеты и сообщали, сколько литров менее жирного молока нужно «продать», чтобы государство получило требуемое количество жира. Процент жирности молока от нашей коровы составлял 3,7%, и нас обязали «продать» государству триста литров молока в год. Рано утром по улицам проезжали сборщики на телегах с контейнерами; люди выходили из домов и сдавали дневную норму. Существовала также норма «продажи» мяса, основанная на расчете, что корова телится каждый год – сорок восемь килограммов «живого веса».

На зиму нужно было покупать сено и солому для подстилки. Чтобы покрыть расходы, родители нашли постоянных покупателей, и мама каждое утро обходила их и приносила им молоко на дом. Нам самим, после «государственных закупок» и частной продажи, мало что оставалось. Мы никогда не имели достаточно молока, чтобы делать творог или масло.

Первая наша зима в Парабели проходила в условиях строгой экономии. Урожай с нашего огорода принадлежал не нам, а прежним хозяевам, которые весной сделали посадки. Правда, мы не голодали, но довольствовались самой простой едой. У нас были картошка, крупа для супа, молоко и немного хлеба, который все еще отпускался по карточкам. Иногда папа доставал, по благу, немного сахара и растительного масла. Мы не забыли времена, когда было намного хуже, и были довольны.

Магазины в этот первый послевоенный год были пусты. Время от времени родители покупали на базаре какую-нибудь одежду и обувь. Мы не могли ходить по улицам Парабели оборванные и босые, как раньше, на Малых Буграх.

С началом учебного года жизнь вернулась в нормальное русло. Как я и ожидала, меня перевели в лучший по уровню класс, 6б, где учились дети районного начальства. Иосиф, который перешел в 8-й класс, стал авторитетным лицом среди своих одноклассников, которые были моложе его на четыре года. Они относились к нему почти как к учителю. Его выпускная работа, написанная в 7-м классе, вызвала большое уважение к нему.

Во втором году своей учебы он внес в жизнь школы много нового. Можно сказать, что он обогатил культурную жизнь не только в школе, но и во всем селе. Все началось с организации шахматного кружка. «Игра королей» быстро завоевала популярность, вышла за пределы школы и охватила всю местную интеллигенцию. Повсюду можно было видеть играющих в шахматы – в библиотеке, в клубе, в частных домах.

В районной библиотеке было немало книг, лежавших годами без употребления и покрытых толстым слоем пыли. Среди них были научно-популярные повести, книги по философии, по истории искусства – словом, настоящие культурные сокровища. Мы с братом «перепахали» всю библиотеку и взяли оттуда все, что могло служить материалом для новых кружков. Мы помогали молодой заведующей и ее помощницам вносить в каталоги книги, прибывавшие из областного центра, и расставлять их по полкам, а они давали нам полную свободу действий в библиотеке.

Результатом всего этого было создание в школе кружков по истории открытий в науке и технике, по изучению биографий знаменитых людей, по философии (с трудом верится!). Я была еще мала для того, чтобы возглавлять кружок, но участвовала почти во всех, особенно в кружках, посвященных литературе и музыке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.